

Сергей Устюгов

Тревожная
командировка

Сергей Устюгов

Тревожная командировка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69529639

SelfPub; 2023

Аннотация

Герой находит новую работу. Перед началом проходит жесткий тренинг, который не все участники выдерживают. После тренинга героя из 2022 года отправляют в командировку в 1981 год. Попав туда, начинает понимать, что может не вернуться, если не выполнит задание. Герою приходится брать на себя решение множества проблем. Приходится отвечать не только за себя, но и за других. Поиски, погони, бегство... герой постепенно мужает. Хочет вернуться домой, и для этого делает все возможное и невозможное. Однако это не так просто. Герой узнает такое, что в корне меняет жизнь. Автор сам прошел примерно такие тренинги. Знаком с людьми, которые обладают похожими способностями.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	57
Глава 6	71
Глава 7	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Сергей Устюгов

Тревожная командировка

Глава 1

Вчера собирались в кафе на вечер встречи. Когда вошел в фойе, то почувствовал школьную атмосферу. Скоро будет звонок, опять идти в класс ...

Ребята стояли группками и тихо разговаривали. Как же изменились. Все взрослые стали.

Поздоровались, начали общаться. Потом пошли за столики. Выпили, пошли разговоры про учителей, политику. Стали вспоминать смешные случаи из школьной жизни.

И вот дернуло меня задеть Станислава, который в школе считался середнячком. Ни к какой группе не примыкал, был сам по себе. Я вспомнил один случай. А момент был, конечно, для него неприятный. Он признался в любви нашей красотке Ольге. Большой букет роз подарил, она же посмеялась над ним. Оля уже в то время расчетливая была. Весь класс тогда смеялся над ним.

Станислав посмотрел на меня и сказал: Серый, ты, как всегда, бред несешь. Мне обидно стало, но я еще столько не выпил, чтобы начать задираться.

Потом Толик вспомнил, что когда Пашка утащил блокнот у красотки Оли, и мы стали читать, то получилось так, что ее потом видеть не захотели. В блокноте она давала характеристику всем. Она издевалась над классом.

Классную зубрилу Таню, назвала синей мымрой, спортсмена Толика – тупоголовым балбесом, меня ... ну про себя промолчу. Хотя тоже обидно было.

Красотка Оля запаздывала в кафе, а когда появилась, то наши девчонки начали перешептываться, а ребята стали смотреть на грудь и длинные ноги.

Она вошла в кафе и начала крутить ухоженной головкой. Медленно поднимала голову и сразу же прикрывала глаза. Было смешно, но на ребят подействовало. Сразу двое кинулись навстречу. Она села за стол и оглядела всех, как королева.

Вечер был уже в разгаре, ребята уже пошли курить, когда вошел молодой мужчина в костюме и галстуке. Кто-то начал, – да это Витек, но осекся. Перед нами был Виктор Николаевич. Первое что бросилось в глаза, это часы на руке. С виду неброские, а на самом деле такие стоили тысяч двадцать долларов.

Со всеми он поздоровался, а подойдя ко мне, смерил сверху вниз и сказал: – и ты здесь, а я думал все на своей стройке пашешь. Конечно, рядом с ним я совершенно не смотрелся. И часов у не было, а зачем, если телефон есть.

У меня с ним конфликт был еще в конце десятого класса.

С тех пор наши отношения были, мягко говоря, никакие.

Девчонки облепили его, а он оглядывался, искал кого-то. Наконец заулыбался, глядя за наши спины. Мы повернулись, а там шла наша красотка, неприступная Оля. Было в ней обаяние, не животное, а что-то непонятное, в общем, сильно притягивала мужской пол. И я тоже попадал в свое время под ее чары. Потом прошло. Но сейчас она снова излучала энергию.

Оля еле посмотрела на нас и прошла прямо к Витьку. Видимо они виделись и помимо наших встреч. Она подошла, подставила щечку для поцелуя, а потом повернулась к нам.

– Ну что молчите, языки проглотили, давайте танцевать, – голос был волнующий, как и раньше.

Конечно, мы каждый, потанцевали с Олей. Я держал ее за спину и вспоминал то хрупкое очарование школьных вечеринок. Тогда я надеялся, что она выберет меня. Но ...

В конце танца она шепнула такое, что я резко засобирился домой и ушел. Она сказала, – Серый, от тебя пахнет стройкой. Ты мойся иногда, ладно. Я не стал портить всем вечер.

Шел по улице и материл ее. Я был такой злой, что нагрубил матери и отцу. Долго ворочался в кровати, не мог заснуть. Ну как так? Одним все, другим ничего. Почему дети чиновников так шикают, так высоко себя ставят, ведь если бы не родители, они бы ничего из себя не представляли. Однако почему же так обидно?

Сегодня вечером, мама начала, – вот, знаешь, что у Нико-

лая, уже ребёнок появился. И ему уже скоро год.

Николай, это двоюродный брат. Умный, и в кого такой, работает программистом, женился в прошлом году. Вот с тех пор мама всё время ставит в пример. Видимся редко, живёт он в другом городе. Ну женился и женился, ребенок родился и хорошо. При чем здесь я.

Уже маме ничего не говорю. Да и бесполезно. Она видит во мне будущего отца семейства, а я думаю, что рано. Не встретил ту, единственную.

На стройке, где работаю, опять заставили ходить в касках. В городе на какой-то стройке авария была, погиб один. Говорят, мужик без каски ходил.

Сегодня вообще-то спокойный день. Бригадирша Валентина отпросилась, а мастер быстро пробежал по этажам и тоже уехал. Наши электромонтажники и расслабились. Один спал на листах гипсокартона, другой побежал в магазин. Я же ушел в дальнюю квартиру, и отрабатывал движения, какие давали на вчерашней тренировке.

Занимаюсь уже два года, и тренер говорит, что результаты неплохие. Мне нравится, тренер на каждой тренировке новое дает, ну и спарринги иногда делает.

Я вовремя услышал, что кто-то идет, и прекратил отработку. Вошел мастер, и начал ворчать, почему это не сделано, почему здесь неправильно.

Я сказал, что Валентина бригадирша смотрела. Говорила, что так и надо, что все нормально. Он еще поумничал и

ушел.

Уже достала эта работа. Третий год на стройке электро-монтажником. Вроде бы всему научился. Деньги неплохие платят. Надоело правда все. Надо менять работу. Но опять же с техникумом железнодорожным, куда я пойду? На железную дорогу? Не хочу! Поработал там немного. Ежедневные поездки надоели. Стук колес год снился.

Позвонил Левка, старый друг, еще с первого класса школы дружим. В параллельном учился. Лёвка должен поляну накрыть. Жениться собирается.

Еле дождался окончания работы. Сразу стал собираться. И с работы, как обычно в свой "кабачок", это его так Лёвка называл.

Собралось нас четверо. Мы двое, и с его работы ребята. Сидим за столиком, болтаем, девчонок рассматриваем, как вдруг Лёвка говорит:

– Вот недавно меня спросили – кто ты по жизни? Я отшутился, а потом задумался, а кто я на самом деле?

Мы начали, как прикалываться над Лёвкой. Он же продолжил, – кто я? Сначала человек. Потом мужчина, потом жених ... а дальше?

– Ну тебя понесло, Лёвка, – бросил кто-то.

– Да не понесло. Просто я вот думаю – а может у каждого есть предназначение. Эта вот хозяйка. Вот этот судья. Этот чиновник. Этот спортсмен. А как определить кто ты?

Мы засмеялись. Ну Лёвка перед женитьбой философом

стал. И заказали ещё пива. Дальше болтали, только Лёвка сидел серьёзный, задумчивый. А вообще-то он парень веселый, и чего понесло в эти дебри?

Я ехал на метро домой и пытался сделать так, чтобы девушка напротив, посмотрела на меня. Ничего не получалось и немудрено, после пива, глаза были немного мутные.

А дома ещё мама начала. Я терпел, терпел, потом не выдержал, – мама, не могу я сейчас жениться. Негде жить, куда жену приведу, да и не нашёл ещё никого.

Лучше бы молчал. Мама завелась так, что я начал потихоньку закипать. Ладно отца дома не было, на рыбалку с друзьями уехал. Мамины примеры, она русский и литературу преподаёт, были уже не только житейские, но и книжные.

Я терпел сколько мог, а потом выдал, – вот, заработаю, мама, пятьсот тысяч долларов. Чтобы и на дом, и на машину хватило, вот тогда и женюсь!

Только сказал и в голове щёлкнуло, – ну да! Вот это и надо! Дальше маму уже не слушал. С этой мыслью и лёг спать. Во сне снилась какая-то ерунда. Я бежал за кем-то, потом кто-то за мной гнался.

Утром встал и сделал зарядку, давно уже не делал. Посто-ял под контрастным душем, растёрся полотенцем, и захотелось на улицу. Солнце, зелень, детские голоса во дворе, совсем, как в детстве. Прямо ощущение такое, что всё впереди, что всё только начинается.

Позвонил Лёвка, пригласил пивка попить, это его послед-

ние свободные дни. Ну я согласился. Встретились мы на площади, потом пошли в летнее кафе, взяли по кружке пива, и вот сидим, смотрим друг на друга.

– Ты вот, Лёвка, вчера говорил о том, кто ты по жизни, так вот я чего подумал...

Лёвка перебил, – да брось. Ерунда это. Расслабился просто. Не надо этого ничего. Он поставил локти на стол, облокотил подбородок на ладони и грустно посмотрел, – даже если знаешь, кто ты, но сейчас ты никто, и что толку?

– Да надо тогда действовать. «Двигаться в эту сторону» – сказал я.

– Ага, двигаться. Куда с женой и с ребёнком буду двигаться? Всё. Кончилось моё движение. Только в семье буду двигаться: – сказал Лёвка.

Я уловил, только то, что у Лёвки будет ребенок, – молодец, Лёвка! Ребёнок, это здорово!

Лёвка скис, и разговор не заладился. Мы попрощались и разошлись. Честно говоря, было жалко Лёвку. Ну что поделаешь? Семья, куда он от неё денется? Тем более скоро ребёнок.

Ещё немного пожалел Левку, и мысли обратились на себя. А я то что? Кто мешает? Никто! Так надо действовать. Вот только не знаю, как и в какую сторону. Хочется чего-то такого, движухи хочется. Приключений. Какого-то развития. Закисать стал.

Я начал даже прикидывать. Во-первых, надо поставить

цель, во-вторых, начать к ней двигаться. Ну цель-то поставил. А двигаться к ней как? И вот тут какой-то чертёнок начал нашёптывать, – да брось ты это. Что первый раз, что ли? Ну подёргаешься немного, и всё равно бросишь. Я как мог отгонял злодея, но внутри понимал, – прав, собака! Прав! Настроение сразу упало. И я двинул домой. Мамы не было, на даче с отцом.

Я лежал на кровати и думал, – это, сколько же получать надо, чтобы заработать пятьсот тысяч долларов? Нет, на такой работе, как моя, это надо всю жизнь пахать и то не получится.

Ну и что. Это работу надо менять? И где такую найду? Чертёнок молчал. Видимо ждал момента, стервец! За этими думами и задремал.

В понедельник, все как обычно, за исключением того, что вдруг начал искать новую работу. Но ничего не попадалось. Так прошла неделя. С каждым днём я меньше, и меньше искал работу. Запал исчез, и рутина снова стала затягивать.

Вот иногда думаю, что во Вселенной есть какие-то потоки энергии. Вот текут сами по себе, и вдруг заворачивают на Землю. И на Земле подхватывают кого-нибудь и несут дальше. Ну это не в буквальном смысле. А в том, что человека захватывает идея, и он на всё готов ради неё. Некоторым потоки помогают в жизни. И у них идёт всё как надо. Примеров сколько угодно.

Вот и меня наверно, коснулся такой поток, потому что че-

рез неделю попало странное объявление.

Работа для молодых, энергичных. Для бывших спортсменов. Оклад высокий. Премии по окончании командировок. Официальное трудоустройство. Обучение за счёт компании. Нашел я его случайно в интернете.

Дома не успел я заикнуться о смене работы, как мама начала, – и куда ты такой? Не возьмут тебя нигде. Прижми задницу и работай, тем более время сейчас такое. Отец посмотрел на меня и махнул рукой.

Я начал закипать, – пап, что ж ты машешь на меня рукой. Что я совсем никакой? Вот ведь техникум закончил! Спорт занимался! На работу устроился!

Отец отложил какую-то газетку, много их сейчас в ящики кидают, и начал говорить, – ну, во-первых, техникум ты закончил, потому что тебя мать всё время пилила, во-вторых – спортом ты занимался из-под палки, и если бы не я, то ты бы бросил его, в-третьих – работу тебе нашел дядя Алёша. Если бы не он, до сих пор работу искал.

Я выскочил из-за стола, хотел выбежать из кухни, но остановился в дверях и начал, – во-первых, я не просил никого. Может быть, я всю жизнь хотел чего-нибудь другого! А вы! Вы всё время мне навязывали своё! Я может, может ... – и тут у меня пропали все мысли. Только обида и злость терзали меня. Ну что такое? Никто меня не понимает! Самые родные люди унижают меня и не ценят. Выскочил я из дома и пошёл куда глаза глядят. А глаза глядели в сторону кафешки. Я по-

звонил Лёвке, вызвал его, и скоро мы сидели и пили пиво.

В этот раз пиво было совсем дрянь. Хотелось пойти поругаться, но Лёвка притормозил меня. Он видел, что я в таком состоянии могу что-нибудь натворить.

Вот так без удовольствия сидели мы, когда я рассказал про объявление. Друг мой заинтересовался. Мы с трудом нашли его в интернете. Лёвка прочёл, посидел подумал, а потом и сказал, – а что? Плюнь на всё, да и съезди. Вдруг возьмут. А там и в командировки. Тем более ты бывший спортсмен.

Сейчас мне объявление показалось вполне нормальным. А почему бы и нет? Тем более всё так складывается. И на работе и дома. Прямо выталкивают меня и там, и там. Пусть выталкивают. Значит так надо.

Мы еще поговорили с Левкой. Он снова про свою свадьбу, я же хотел поговорить про объявление, но Лёвка всё равно сворачивал на свою Анжелку. Какие-то там проблемы у них были.

Пришел домой уже поздно. Тихонько разделся и направился в свою комнату. Отец вышел из спальни, – ты не переживай. Всё постепенно образуется. Знаешь, что? Поехали в выходные на рыбалку?

Я пожал плечами и наклонил голову. Может быть, и поедем. Ну отец у меня так-то нормальный мужик. Но почему-то меня иногда жалеет. А вот мама, та строгая.

На следующий день я позвонил по объявлению. Догово-

рился о встрече через три дня. И вскоре я уже был у них.

Ну, что солидный офис, в центре. Современный стиль. Вежливые сотрудники в деловых костюмах. Официальное отношение к посетителям.

Меня принял, я понял, зам. Кабинет мне показался холодным. Пустые стены и в центре стол, и за ним молодой человек. Меня пригласили в кресло напротив. Я сел и сразу оказался ниже его. Пошевелился, и понял, что выбираться из него тяжело придется.

Зам сидел и смотрел на меня. Я молчал и ждал. Наконец он заговорил, – слушаю, вас.

Я пожал плечами. И уставился на него. Он улыбнулся и продолжил, – вы, я понял по поводу работы.

Я кивнул и начал, – я хотел бы узнать, а что за работа?

– Вы готовы к командировкам? Длительным командировкам?

Я снова пожал плечами, – готов. А на сколько длительные? Не в Антарктиду же?

Зам растянул губы в улыбку, – нет. Не в Антарктиду. Пока по стране, – он поднялся и вышел из-за стола. И опустился в кресло, напротив.

– Вы бывший спортсмен?

Я кивнул.

– Вы можете сказать, чего вы хотите в жизни? – зам при этом наклонился ко мне и посмотрел в глаза, как будто хотел там что-то увидеть.

Мне это крайне не понравилось. Зачем он в душу лезет, дома всего этого хватает. Я начал вставать, чтобы уйти. Он же беззлобно засмеялся, – ну, ну. Не будьте таким обидчивым. Я почему задал этот вопрос, да потому что нам нужны надежные люди. Люди, которые понимают, чего они хотят в жизни. Потому что работа у нас серьезная и ответственная.

Я молчал, а что я мог сказать. Что я безответственный и несерьезный. Но так-то я занимался спортом, получил первый разряд. Да и вообще я как-то живу, не бедствую, и всё у меня нормально.

Мне показалось, а может это на самом деле, что зам прочитал мои мысли.

– Наша работа очень хорошо, я подчеркиваю, очень хорошо оплачивается. Но, я снова подчеркиваю, мы должны быть абсолютно уверены в своих служащих.

Наверно у меня в глазах он прочитал какое-то сомнение, потому что дальше он сказал сумму аванса. У меня округлились глаза.

Первое желание было – надо скорее подписывать контракт, потом сразу – а не подвох ли здесь какой-нибудь.

– Давайте так! Вы подумайте. А послезавтра приходите. И советую с родителями не говорить пока о нашей встрече.

Какие-то странные тайны вокруг. Необычная работа, связанная с командировками. Такое предложение, от которого невозможно отказаться. Да, надо крепко подумать, тут мужчина прав.

Дальше он заставил меня пройтись по кабинету. Присесть два раза. И потом подал бумагу, – это ваш пропуск. После завтра нужно прийти на комиссию. Она у нас своя.

Потом он прищурился, – или я ошибаюсь. И вы не хотите у нас работать?

Я хотел пожать плечами, и вместо этого неожиданно для себя кивнул, – хочу.

– Ну, тогда до встречи? – он пожал мне руку и проводил до двери.

Я вышел из офиса и зашагал по улице. Странное состояние было у меня. Как будто я здесь и одновременно не здесь. Прошло это только через полчаса. Я приписал это усталости, а может и витаминов не хватает.

Глава 2

Вечером мы с Лёвкой сидели в кафешке. И, как всегда, пили пиво. Спокойная жизнь, чего еще желать. Но внутри меня шевелился червячок сомнения.

Я начал рассказывать Левке о странном предложении работы. Он пожал плечами, и, как всегда, завелся о будущей семейной жизни. О том как они возьмут ипотеку, как будут отдыхать вместе. Потом заведут детей, и он будет воспитывать из своего сына настоящего мужчину. И это Левка! Худой и в очках, ботан.

Да нет, так он парень головастый, недаром его на работе очень ценят, он программист в какой-то компании.

Но когда я сказал о том, что предложили, какую сумму аванса сказали, когда я подпишу контракт, то Левка замер. Он мгновенно, а он умеет считать, выдал, – но ведь это твоя зарплата за два года, этот твой аванс. А если ты свинтишь?

– Да его сразу не дадут. Деньги на депозит перечислят. И снять их можно будет только после командировки.

– Но всё равно. Это ведь такой хороший взнос на ипотеку. – Лёвка начал прищуривать глаза. Он явно что-то прикидывал. – Слушай, ты же мне друг. Давай ты мне дашь эти деньги. Я тебе расписку напишу, и я сразу взнос на ипотеку закрою.

Я удивлённо посмотрел на Лёвку.

– Да я понимаю, что после командировки. Но может быть она не будет такой длинной.

Я усмехнулся. А что я мог сказать. Да, Лёвка мой друг. Почему бы его не выручить. Но вот когда я получу эти деньги?

Лёвка уловил на моём лице согласие. – Отлично! Я за пивом! Я угощаю! И радостный Лёвка умчался к стойке.

Чуть позже я все-таки выразил сомнение, – может это жулики? Лёвка, я не ожидал от него такого красноречия, начал меня убеждать, – да ты что! Жулики отнимают деньги, а эти дают. Нет! Это просто хорошая работа, которая попадается раз в жизни!

Вот так я согласился на эту работу.

Комиссия у этой организации была серьезная. Правда добираться до нее пришлось через весь город. Поликлиника была скорее всего ведомственная, а может быть просто сюда направили. В конце я даже устал. Показалось что прошел десятка два кабинетов. И во всех были серьезные тетеньки и дяденьки, даже пошутить не с кем.

Дома я ничего не говорил. Так, общался с родителями сквозь зубы, еще бы, обидели они меня серьезно. Ну как такое стерпеть? На работу ходил, как на автомате.

Позвонили мне через три дня. Пригласили в офис, где сказали, что прошел отбор и принят на работу. Выезжать сказали, через два дня. Нужно было ехать на турбазу, там

пройти обучение, а потом в командировку. На работе, как-то быстро отпустили, даже обидно стало. Вообще, что ли не ценили? Ну черт с ними! Без них обойдусь!

Дома я сказал, что нашел новую работу, и уезжаю в командировку. Оттуда буду звонить. Ну мама, как всегда, за переживала, отец же отнесся по-мужски, пожелал мне удачи, и сказал, – сын, ты становишься мужчиной. Ну он всегда выражался, как-то торжественно.

В офисе я подписал контракт, в котором, честно говоря, мало что понял. Конечно, это не верх безрассудства, но в глубине у меня все-таки были сомнения. Но опять же вспоминая, последние события, я чувствовал, что все идет как надо.

Мне сказали, что надо к концу недели приехать в город Н. Я съездил на вокзал, купил билет и на завтра был уже в поезде. И вот я в дороге.

Двое суток в поезде я спал на полке. Пока ехал в голову лезла всякая ерунда. Например, мысли о моей способности читать память предметов. Откуда это? Хотя...

Первое проявление такой способности было в далёком детстве. Помню в детском садике меня наказали, поставили в угол. Совершенно не помню, за что, да это и не важно. Обидно было, это помню хорошо. Все ушли гулять, а я стоял и колупал стену. Весь угол был ободран. Все наказанные вот так стояли и колупали.

Мне надоело смотреть в стену, и я тихонько обернулся.

Никого. Тогда я медленно и тихонько направился к игрушкам. Хотел взять совсем маленькую машинку и поиграть ею. По пути я споткнулся и полетел на пол. Ушибся сильно, но реветь не стал. Знал, что попадет еще сильнее. До машинки я не добрался, потому что послышался голос воспитательницы. Она зашла в группу, посмотрела на меня, я стоял в углу, что-то взяла на столе и вышла. Когда я обернулся, то увидел, что она обронила зажигалку. Я схватил ее. И начал в углу играть.

Обида и боль куда-то ушли. Я поглаживал красивую зажигалку и думал, что после садика мы с Гошкой подождем что-нибудь. И пока гладил зажигалку, неожиданно пошли картинки, и картинки движущиеся. Сначала я не понял ничего, потом же разобрал, наша воспитательница ехала в машине и о чем-то болтала с черноволосым дядькой. Тот лихо крутил руль одной рукой, другой же гладил колено воспитательницы. Она была в короткой юбке. Потом машина остановилась, и к ней подошел полицейский. Тут в группу забежали ребята, и я больше ничего не увидел.

Такие случая были редки. Я, конечно, пытался вызывать это состояние, когда стал постарше, но ничего не получалось. Хотя я и читал литературу, потом шарился в интернете, ничего полезного для себя не нашел.

Правда я заметил, что проявление этого "видения", началось после всплеска эмоций. Но не каждый раз. И было это примерно раза два в год.

Вот и в тот раз началось все неожиданно. Я сильно по-нервничал на работе. На меня накричала бригадирша, та еще мегера была. Не понравилась моя работа.

– Долго возишься. Смотри премии за месяц не будет. Да и кто тебя учил так работать. Школьники и то быстрее, и лучше сделают.

Все это было в конце дня. Очень хотелось ответить ей, но просто не успел. Приехал старший прораб и увел ее. А у меня продолжалась обида. Я работал нисколько не хуже других, а может даже и лучше. Но оторвалась она на мне. И вроде замужем, и дети есть, а все равно вредная и стервозная баба.

Поехал я в таком настроении к подруге. Позвонить не смог, телефон, как назло, сел. Думал еще, чувствовал что-то не то. Подходил уже к подъезду, как меня опередил молодой человек. Он выскочил из паркетника, и обогнал меня. В костюме, менеджер какой-то что ли? Возле домофона он замешкался, доставая ключи, затем быстро открыл двери и убежал.

Я подошел к дверям и увидел чехольчик от наушников. И вот тут меня накрыло. Я увидел этого менеджера, как звонит по телефону, его стол, большой зал, где сидит много человек. А потом картины сменились. Я неожиданно увидел свою подругу, кстати, думал вообще-то когда-нибудь на ней жениться.

Она и он сидят на кухне и пьют кофе. Оба полуголые. Она в трусах и в майке, он замотан в полотенце. Он в моих та-

почках. Да, в тапочках, которые я недавно купил и принес подруге.

Вот здесь я в первый раз не поверил своей способности. Этого не может быть! Она не такая! А кто-то мне нашептал, – такая, такая.

В этот момент в подъезд входила женщина. Я проскользнул за ней. Поднимались вместе, она на четвертый, я на восьмой этажи.

И вот ее дверь. Я замер перед звонком. А может развернуться и уйти? Нет. Пойду до конца. Позвонил, и стал так, чтобы не видно было в глазок. Услышал голоса за дверью.

– Кто там?

– Пиццу заказывали? – я изменил голос.

Дверь приоткрылась, я увидел лицо подруги. Ее глаза узнавали меня и сожаление, и какая-то виноватость была в них. Потом она вздернула подбородок, – что тебе надо? Ты почему не позвонил?

Я уже не слушая, проскочил мимо и сразу на кухню. И там ... сидел в костюме тот менеджер. Он пил кофе и оторопело уставился на меня. Сзади хватала за руки подруга, она пыталась вытащить меня из кухни.

– Что это значит? – обратился менеджер к подруге. Та стала оправдываться, – это мой бывший. Я не знаю зачем он пришел.

И в этот момент я четко понял, она со мной была скорее всего из-за физиологии. Я крепко сжимал спинку стула и пе-

редо мной мелькали картинки. Среди них был и я, и другие. Черета мужчин, возраста от двадцати, до пятидесяти прошла перед глазами. И все они пили кофе в этой кухне.

Я вспомнил, она всегда мягко неназойливо просила пода- рочки. Я дарил. Безделушки, конечно, но иногда футболку, шорты, серьги.

Ну, а что я мог сказать? А ничего! Развернулся и пошел прочь. Я ведь думал, что она меня любит. Обычно, когда приходил к ней, то она ухаживала, кормила, даже гладила меня, как ребенка.

Так меня поразила измена, что ни о чем думать не мог. И главное ни с кем поделиться не мог. Ну да! Это же стыдно! Ну как так, мужчине изменила женщина. Значит – с мужчи- ной что-то не так. Или она тварь откровенная или мужчи- на виноват. Так вот, не хотел я признавать свою вину, но и винить её тоже не хотелось. Понятно, что в первые секунды я внутренне сильно ругался, да и даже не внутренне. Когда спуускался с восьмого этажа, встретил бабушку, лет восьми- десяти. А я шёл и матерился. Бабушка переспросила меня, – что, что ты говоришь, внучек? Я только махнул рукой и по- спешил дальше.

На следующий день я немного остыл и начал размышлять. А всё-таки, что это было? Как так опять получилось увидеть? Это что на предметах остается память о том, что с ними или вокруг них было?

Попробовал поговорить с Левкой об этом. Но когда он

попросил продемонстрировать, то ничего не получилось. Ну Левка и развел руками. Мы как раз пили пиво, и мне так захотелось дать по морде, еле сдержался.

А вечером я звонил подруге. Не помню, что говорили, был пьяный. Но что-то оскорбительное. Припоминаю, что она нисколько не оправдывалась.

Измена подруги повергла в депрессию. Да и правильно. Живешь так и думаешь, что все вокруг хорошо, что тебя любят, ну кроме бригадирши на работе, а потом бац! И оказывается подруга изменяет, да еще оказывается и была с тобой только из-за подарков. Друг смеется над тобой, дома родители издеваются, особенно мама. Отцу – по-моему всё равно, чем его сын занимается, лишь бы все законно было.

Да и у самого почти ничего не получается. Захочу, к примеру, освоить компьютер, имеется ввиду ремонт его, так терпения не хватает сидеть вечерами и изучать литературу, делать уроки.

Хотел пойти на тренинг по зарабатыванию денег. Обещали большие заработки, ладно вовремя отговорили. Это Левка подсуетился, подогнал парня, тот и рассказал, как на этих тренингах лохов обувают. А я уже и деньги хотел платить.

Да и весна начиналась. А у меня весной всегда настроение подавленное. Раньше мама говорила, что витаминов не хватает, а сейчас даже не знаю. Сейчас говорит – мозгов не хватает, чтобы нормально жить. Нет чтобы в институте учиться, полезную специальность приобретать, ты на стройке бол-

таешься. Вот чему тебя там научат? Только водку, да пиво пить?

Последнее время я уже с мамой не спорил. Ведь ничего не докажешь. Отец давно это понял. И не вмешивался.

Автобус вырулил на стоянку, я вышел и стал разминать ноги. Сидеть пришлось, упираясь коленями в спинку переднего кресла. Если немного, это ничего, но если почти пять часов, то тяжело. Сначала сидишь в телефоне, потом глазаешь в окно, пытаешься уснуть, и в конце концов, начинаешь беситься.

Обыкновенный провинциальный городок. Кругом города небольшие зелёные горы. Он в долине, в центре небольшой пруд. Ну почти как все небольшие городки. Много советских и российских авто. Я увидел даже старые "газончики" и ЗИЛы.

До транспорта на турбазу оставалось четыре часа. Я решил побродить по городу. Ещё когда ехал сюда, залез в интернет, пошарился и случайно наткнулся на такую заметку. Там говорилось о том, что в этих краях была сильная цивилизация в древние времена, и буквально в самом городе остались следы.

Захотелось посмотреть, и я пошёл искать эти следы. Не то чтобы верил во всё это, но с детства тянуло на всякие приключения, на всякую мистику. Однажды на спор, ночью в полнолуние, пошёл на кладбище и в центре на надгробье по-

ставил три креста.

Страшно было, аж жуть! Но спор есть спор, тем более присутствовали девчонки. Туда-то дошёл нормально. Кресты поставил, а вот обратно ... Ноги почему-то отяжелели. Я их еле передвигал. Хотел схватиться за железные прутья оградки, но как представил, что это всё кладбищенское, так сразу охота прошла.

Так я тащился по кладбищу, как вдруг почувствовал, прямо ощутил на спине чей-то взгляд. Вроде бы надо оглянуться, а не могу. Страшно! И ноги не идут! Орать – себе дороже. Вот знаю – заору, накинутся на меня со всех сторон и всё, конец мне!

Как дополз до края кладбища, не помню. И ещё, придурок, в конце всё-таки оглянулся. Морду вдалеке увидел, с горящими глазами. Она смотрела на меня, и я не мог отвести взгляд. Потом-таки закрыл глаза и побежал. Ноги к тому времени отошли.

Долго опасался заходить на кладбище. Хотя темноты не боюсь. Мне даже в темноте как-то комфортнее.

Дошел я до башни. Снизу кирпичная, сверху похожа на шахматную ладью. Скорее всего была раньше водонапорной башней. Захотелось перекусить, направился в магазин. Там при продовольственном отделе была маленькая забегаловка, кафешка. Встал как положено в очередь и обратил внимание на мужчину, который сидел за столиком и пил кофе. Уверенная посадка головы, дорогой костюм и даже запонки. Вот за-

понки я видел всего два раза в жизни.

Пока стоял в очереди, наблюдал за женщиной. Впереди меня лениво переругивались женщины. В магазин зашла девушка в короткой юбке, я естественно обратил на нее внимание. А когда повернулся к очереди, то увидел, что мужчина стоит у прилавка и что-то заказывает. И что меня дернуло влезть?

– Мужчина! Вообще-то очередь здесь стоит, – я старался сказать это посолиднее, – женщины, стоят. А вы что? – последнее получилось у меня несколько грубовато.

Мужчина поворачивался медленно. Наконец его взгляд уперся в меня. И я впервые в жизни почувствовал, что я бледнею. У меня стало холодеть лицо, руки и даже ноги. Какое-то окоченение пошло по всему телу. Я, конечно, испугался.

Мужчина спокойно взял сигареты и вышел. Меня отпустило тогда, когда он сел в машину и уехал. Вокруг меня хлопотали женщины, – что с тобой? Что с тобой? Может скорую вызвать?

Я же медленно отходил. Что это было? Гипноз? Магия? Я сидел за столиком и тихо жевал бутерброд. Не мог думать, ничего не чувствовал. Вот так столкнешься с человеком, и потом задаешь себе вопрос, а зачем это нужно было?

Только минут через десять, я начал нормально воспринимать мир. И снова заглядывался на девушек и молодых женщин. Посмотрел на время, пора идти на встречу.

Собирали нас на автовокзале. Когда я подошел, я сразу понял, что это мои коллеги. Высокие спортивные парни и девушки привлекали внимание. Всего было человек десять. Рядом с ними стояли спортивные сумки. Никто не курил. Я сидел на лавке среди старушек и смотрел на них. А чего рисоваться зря.

И вот тут я почувствовал на себе взгляд. Я резко повернулся и увидел в машине того мужчину, который "заморозил" меня в кафешке. Хотя он сразу повернул голову, я всё равно его узнал. Да и он меня. И чего он следит за мной. Но я мужчину не интересовал, он смотрел на спортсменов. И у меня было ощущение, что из-за тонированных задних стекол кто-то фотографирует ребят.

Не успел я как следует подумать, как машина уехала. И я подошел к ребятам. Сначала я хотел сказать, что за ними наблюдали, потом же подумал, а зачем? Да и что скажу? Что за вами кто-то смотрел? В общем плюнул мысленно на того мужчину и стал знакомиться.

А еще через десять минут подъехала крытая грузовая машина ГАЗ-66, и мы полезли в кузов. Ехали на турбазу несколько часов. Трясло очень сильно. Да, здесь нужно ездить только на тракторе.

На турбазу приехали после обеда. За воротами стояли несколько красивых деревянных домиков. Нас выгрузили и сказали идти в главный корпус. Там нас ждали несколько человек инструкторов.

Глава 3

Сначала всех собрали на поляне, прочитали инструкции о том, чтобы соблюдали технику безопасности. Мы слушали и думали – зачем это, на всякий случай предохраняют себя от чего-то что ли.

Пока один из руководителей продолжил рассказывать о распорядке дня, о правилах проведения тренинга, все разглядывали друг друга. В основном были молодые люди возраста от двадцати и до примерно тридцати пяти. Ну конечно ребята поглядывали на девушек и женщин, те же знакомились друг с другом.

Турбаза была небольшая, восемь домиков с разными по количеству мест комнатами. Баня, конюшня с лошадьми. Клетки с кроликами, дом столовая, и большой дом-штаб с залом. Да еще перед столовой была волейбольная площадка.

Сначала ничего интересного не было. Все распределялись по домикам. Правда были и эконом варианты, и бизнес варианты.

Когда устроились, начальник базы, мужчина лет сорока пяти, крепкий спортивный, собрал всех в столовой. Все расселись за деревянными массивными из кедра столами и приготовились слушать.

– Дамы и господа! – начал руководитель Дмитрий.

Он обвел взглядом всех, а нас было двадцать пять человек.

– Курс наш, я напоминаю, называется коммуникации в стрессовых ситуациях. Я надеюсь все прочитали программу. Или вам не давали? И вы приехали отдохнуть?

Послышались смешки, – отдохнуть, конечно. Сзади зашикали.

Дмитрий продолжал, – все заселились, это хорошо. Кстати, наверно все слышали, что из турбазы автобус ходит раз в десять дней. И вокруг на десятки верст тайга. Последнее он произнес зловещим шепотом. А когда женщины округлили глаза, рассмеялся, – успокойтесь. Всё будет хорошо. Правда все меняются, но ... в лучшую сторону.

С места выкрикнули, – а что после курса будет?

– После курса, кто пройдет, того в командировку отправят. Об этом с вами другие будут разговаривать.

Дмитрий еще полчаса говорил о психологических проблемах коммуникаций. О том как люди настолько далеко ушли от животных, что общаются на самом деле только с собой и со своим отражением, как будто в зеркале.

Мало кто понял размышления руководителя. Он дальше представил еще троих преподавателей. Рассказал, что обучение будет почти круглосуточным.

– А спать, – закричали с места. – Спать?

– Ну, когда невмоготу будет, тогда и спать будете. Но, поверьте, спать вам не захочется.

Дальше он почему-то быстро закруглился, сказал, что через двадцать минут полдник, и потом через полчаса минут начнется первое занятие. Оно будет здесь и продолжится на улице.

Все стали расходиться, по пути, те кто не внимательно слушал Дмитрия, пытались позвонить домой, но телефоны не работали. Те, кто знали, объяснили, что связь здесь берет только на краю турбазы, около большого кедра, там даже пенек есть.

Почти половина устремилась туда, остальные пошли в свои домики.

Меня поселили в Брусничный дом, на втором этаже. Брусничный он назвался из-за покраски наличников на окнах. Подниматься наверх надо было по скрипучей деревянной лестнице. Да и дом был деревянный, из толстых бревен. В комнате на двоих, было две кровати и диван с комодом. И небольшое окно во двор.

Соседа моего звали Глеб. Примерно моего возраста, лет двадцати семи. Худощавый, с быстрыми глазами, бровями взлет, да еще с длинным острым носом, на худом лице, он мне сразу не понравился. Такие, как правило считают себя умнее других и часто показывают это.

В соседней комнате расположились девушки. Мила, она сама попросила ее так называть, бывшая фехтовальщица, симпатичная блондинка с хорошей фигурой. И Шура, дзюдоистка, крепкая, среднего роста девушка.

Столовая была в Малиновом доме. Простые столы из толстых кедровых досок. Неказистые стулья, вот и вся мебель. Все по-простому, по-деревенски.

Полдник был в целом неплохим. Тушенки повара не пожалели, лук, чеснок, огурцы и макароны по-флотски. Кто-то сказал, что через две недели, конечно, все изменятся, в двери проходить не будут.

После полдника отдохнули, прошлись по базе. Скорее всего базу сняли для проведения курса. Ну и хорошо. Давно не был в лесу. Дышится легче, чем в городе. Сходил на спортивную площадку. Современная, турники, брусья, шагоходы, другие тренажеры. Там было несколько ребят. Занимались. Подумал, может тоже, но не стал, успею еще.

В зале было человек двадцать. В начале курса я не понял, но потом разобрался, не все ходили на занятия. Вернее, не на все занятия. Вот и я пропускал некоторые. К примеру, зачем мне латынь? Правильно, не нужна она мне. Однако потом я понял, что нас рассортировали по каким-то признакам. И одни ходили на одни занятия, другие на другие, но, разумеется, были и общие, на которые ходили все. И вот сейчас была такая лекция, на которую должны были прийти все.

Вошла миловидная женщина средних лет, в больших очках, стройная фигура придавала ей девичий вид. Голос у нее неожиданно оказался низкий волнующий.

Всем показалось, что можно вести себя свободно, но она оказалась строгой учительницей. Мне показалось даже, что

она откуда-то из академии, что там что-то преподает, скорее всего психологию.

Начала она с того, что рассказала историю. Очень давно один страшный и жестокий феодал придумал следующее: он взял маленького годовалого ребенка и посадил его в башню. Окон там практически не было, было одно, но в нем было видно только небо. Звуков тоже не было слышно.

Кормили ребенка три раза в день. С ним не разговаривали, его только кормили, да иногда мыли. А когда ему стало лет пять и мыть перестали.

И вот прошло двенадцать лет. Феодал приказал вывести мальчика во двор. Мальчик впервые увидел мир. Он испугался, упал, и съезжился, и как ни пытались его поднять, он сопротивлялся, кричал и дрожал. Это был даже не звереныш, это было нечто. Он не знал ничего, его никто не обучал, он не осознавал себя, не понимал ничего. Это было примитивное существо.

Феодал продолжил эксперимент. Он приказал своим людям начать мальчика обучать всему. Есть ложкой, говорить, ходить на двух ногах ...

И ничего не получилось. Это существо не обучалось. Оно реагировало только на боль, крик, на вспышки света и всё.

Такая печальная история повлияла на наших девушек. Им стало жалко мальчишку.

Преподаватель продолжила лекцию. Она задала вопрос: а вот кто мне может ответить, на какие черты характера мо-

жет влиять наблюдательность, острый ум, умение много говорить?

Послышались разные ответы. Наблюдательность – это ум человека, острый ум – это превосходство, умение говорить – это заморачивание головы ...

Женщина улыбнулась: – в чем-то вы правы. Давайте, однако посмотрим на это с другой стороны. Вот, возьмем, умение много говорить – это болтливость, так? Наблюдательность – это, сплетни. Острый ум – это, критичность, рассудочность.

С мест послышались выкрики, – ну так можно много наговорить. К примеру, хороший слух – это, тоже возможность потом сплетничать. Руки – это, трогать, значит – это, половая распушенность ...

– Вы молодцы! Всё правильно. В этом направлении мы и будем двигаться.

Дальше она стала рассказывать о том, что существует прикладная психология. И вот она и нужна нам. Дело в том, человек может изменить свои привычки, как считается психологами за двадцать один день. Однако можно быстрее, только поставить его в экстремальные условия, и после них подтвердить всё вновь приобретенное.

Она начала говорить об условиях, которые необходимы, о том, что производились эксперимент и они показали ... дальше пошли научные термины. Думаю, что их не знали больше половины присутствующих. В общем туманные научные фразы. Все заскучали. Кому это нужно.

Преподавательница, конечно, все это видела, и возможно сделала это специально. Потому что она вызвала одного из нас, красавчика Эдуарда. Высокий, спортивный, с правильными чертами лица, он сильно нравился девушкам, и он знал об этом и пользовался.

Эдуард вышел на середину и шутливо поклонился. Преподавательница подошла и сказала: – понятно, что ты любимчик женщин. Более того, ты еще человек тела. А это ощущения. Ты сам чувствуешь своим телом отлично и можешь женщинам передать это. Чем же ты пользуешься? Ну, конечно, больше всего руками. А вот если тебе связать руки и не дать возможность использовать эти великолепные инструменты. Что будет с тобой? Сначала ты будешь нервничать, даже злиться, потом ты попытаешься заменить ощущения от рук чем-то другим, а потом в тебе начнется процесс перестройки некоторых отделов психики. И через некоторое время ты получишь новые привычки, не забывая старых. Таким образом ты расширишь свою картину мира.

Эдуард слушал и улыбнулся, – а как же я без рук буду есть, ходить в туалет, трогать женщину? Его лицо приняло задумчивое выражение.

Некоторые девушки закричали с места, – а давайте ему свяжем руки и посмотрим тогда, как он жить будет.

Эдуард глупо смотрел, и наверно внутренне переживал такое допущение, – да я лучше жить не буду без рук, – сказал он.

Преподавательница продолжила, – мы все зависим от того какая у нас ведущая модальность. И если прикрыть ее, у нас происходит перестройка психики. Но вы не переживайте, у нас здесь все под контролем. Наверно вы уже знаете, что уйти отсюда практически невозможно. Вы все подписали контракт, в котором об этом говорится. А если же захотите уйти, сбежать, то у вас скорее всего ничего не получится. Надеюсь, понятно я объяснила?

Кстати, а вы знаете, что западные ученые давно проводят эксперименты по программированию людей. Я имею ввиду психосоматику. Тем людям, которые владеют какой-то тайной, к примеру коммерческой, вводят программу, и им уже опасно разглашать. Представьте себе, человек выдал тайну и заболел. И ... умер. Неожиданно, в расцвете сил.

Милая женщина на глазах превращалась в монстра. Эдуард красавчик мрачнел. Он попросил разрешения сесть, и пошел на свое место. Дальше лекция была скучной. Каждый задумывался, зачем я сюда попал? Что за дикие эксперименты с психикой? И как же можно отсюда сбежать?

Во время перерыва многие молчали, хотя некоторые обсуждали то, что говорила преподавательница. Вот и я прикидывал, как отсюда свинтить. Во-первых, нужен толковый товарищ, во-вторых, ему нужно доверять, а как же без доверия. Ну и в-третьих, нужно сделать всё так, что подольше не искали, да, еще, в-четвертых, нужно знать куда бежать. Домой? Нельзя, туда сразу заявятся. В деревню? Туда тоже. Все

они пробили давно. Задача!

Наверняка многие решали ту же проблему. Но никто ни к кому не обращался с подобным предложением, по крайней мере ко мне никто не подходил, да и я тоже не горел желанием.

Вечером обычные посиделки перед домиком были грустные. Костер горел еле-еле. Ребята молчали, да и вообще на всей базе не было никакого звука. Странно, но вот так было.

Сразу после завтрака нас пригласили в соседний дом. Он назывался Вишневым, и был одноэтажным. Большой, по сравнению с нашими, он стоял ближе к лесу, к сосновому бору. Там располагался штаб, и большой зал для занятий.

Зал имел окна только на одну сторону, к центру базы. Сразу у входа стояли стулья и столы. А дальше в конце, доска и стол преподавателя. Какое-то несерьезное ощущение вызывала эта вся мебель. Будто в колхозный клуб попали.

Когда расселись, вошел начальник базы Дмитрий. Он вел это занятие. Сначала он сделал объявление. Нужно было сдать телефоны. Нехотя мы начали вытаскивать и выкладывать на край стола смартфоны. Началось ворчание, но начальник это пресек. Он сказал, что все в пределах контракта. Кто хочет, тот пусть читает. Желающих не нашлось.

Дмитрий на столе разложил несколько предметов. Какие-то тряпки, варежки, вату и пакеты.

– Начнем первое занятие. Но, прежде чем начать, прочитаю небольшую лекцию о наших чувствах.

Описание чувств началось со зрения, о том, что человек не воспринимает большинство цветов. Потом Дмитрий перешел к слуху, затем к обонянию и вкусу, и к осязанию.

Большинство готово было задремать, но тут Дмитрий произнес, – а сейчас мы будем распределять средства, которые вам позволят воочию убедиться, как это не иметь одно чувство.

Мы сидели смотрели по сторонам. Все-таки было утро. И некоторые не выспались.

– Итак подходите, и мы вам будем выдавать средства. Мы запишем за каждым свое, и его нужно будет не снимать в течение семи дней, – Дмитрий заулыбался, но улыбка его была странной.

Такого я еще не слышал. Что-то новое. Опасение, конечно, было, но так, немного. Наоборот, интересно, драйв какой-то. А что будет дальше.

Первой подошла девушка в красном спортивном костюме. Она назвала фамилию и ей вручили черный платок. Потом парню лет двадцати пяти выдали беруши. Скоро вещей на столе не осталось. Все сидели рассматривали полученное и пытались понять, а что дальше?

А дальше Дмитрий объявил, – всё, дамы и господа, сейчас мы все наденем, воткнем и так далее свои вещи, и не будем их снимать сутками. И так нужно будет пробыть в них неделю.

– Для чего это? – раздалось с места.

– Все свои ощущения и наблюдения вы сможете высказать через неделю, – Дмитрий, обезоруживающе улыбнулся, – такова программа курса.

– А как же занятия?

– А занятия, как обычно. Все будут приходиться на лекции и заниматься по мере возможности, – Дима подозвал двух молодых людей, крепкой наружности, и что-то им тихо сказал.

– Ну, а если, к примеру, я захочу снять повязку с глаз, – раздался голос.

– Значит, давайте так. Я вас предупреждал, чтобы вы внимательно смотрели договор. Так вот там написано – тот, кто будет отказываться принимать участие в занятиях, тот будет лишен еды в течение недели. Следить за этим будут мои помощники, Василий и Алексей.

Начались возмущения. Один из ребят даже встал и сказал, – я в этом не участвую.

– Не хотите участвовать, это ваше право, хотя вас предупреждали, что автобус будет только через десять дней. Однако вы можете добраться сами. Мы дадим карту, запас еды и воды на восемь дней, и вы сможете дойти сами. Если хотите, то можете подобрать себе единомышленников, – Дмитрий закончил и попросил вывести мужчину из зала. Вслед им устремились еще две девушки и один парень.

– А сколько им идти? – спросила девушка.

– По местным масштабам совсем немного – сто километров, – Дмитрий снова улыбнулся.

– А медведи здесь есть?

– Конечно. И не только медведи. Волки, лисы зайцы ...

– Так они погибли?

– Нет, скорее всего нет. Звери летом не нападают.

Жестко. Ничего не скажешь. Почему я не прочел весь контракт. А может там еще что-то есть такое же.

Дмитрий подошел к девушке и повязал ей черную повязку на глаза. Он так же закрепил ее, чтобы не слетала и направился к следующему. Ему помогали помощники. И скоро вся группа сидела кто в черных повязках, кто в берушах, а кто-то в толстых варежках, причем большого пальца у варежек не было.

– А друг другу можно помогать? – спросила женщина в повязке.

– Это вы решаете сами. Хотите помогайте, хотите нет. Обычно люди помогали, – Дмитрий сел за стол и постучал по нему. – Кстати, не советую ничего снимать. Наказания будут жесткие. На первый раз виновник лишается обеда или завтрака, следующий раз лишается еды на сутки, а в третий раз до конца недели.

Мы сидели и молчали. Нам все больше и больше не нравилось. Обучение под насилием. И что из нас выйдет? Разве можно научить из-под палки? Хотя до палки не дошло. Но кто знает...

Дмитрий захлопал в ладоши, – а сейчас прошу сосредоточиться и начать слушать. После десятиминутного перерыва

начнется лекция по психологии общения.

Глава 4

Читала лекцию женщина лет тридцати пяти. В очках, просвечивающей блузке, тесной юбке, она пыталась навести порядок.

Одни ребята крутили головами, трогали варежками стол, стулья. Другие, у кого были беруши в ушах, спрашивали о чем-то. Женщина громким голосом успокаивала учеников. Наконец вроде бы ей это удалось. Она начала лекцию.

Речь шла о практической психологии. Как начинать разговор, как знакомиться, как прощаться так, чтобы человеку захотелось вновь встретиться.

Те, кто слышал, но не видел, пытались записывать тезисы. Те, кто в варежках запоминали, и подсказывали незрячим. Глухие просто сидели и молчали.

Лекция длилась целый час. В конце у одной девушки случилась истерика. Она была в повязке на глазах. Постепенно она накручивала себя. И когда ее спины случайно коснулся рукой парень, который потянулся за ручкой, она завизжала и стала пытаться сорвать повязку. Та не срывалась, и девушка распалаясь все больше. Однако помощники дали ей попить, и девушка потихоньку затихла. Повязку с нее так и не сняли.

Я подумал, что в воде что-то было. Потому что девушка успокоилась очень быстро.

Еще интереснее было на ужине. Тех, у кого была повязка на глазах, кормили глухие. Те, у кого был закрыт рот, сидели молча и нервничали. Им разрешалось только пить воду через трубочку. Сначала смешков было довольно много, но потом некоторые задумались – а как же они будут в туалет ходить? Но спросить было не у кого.

Потом один умный молодой человек сказал, – проблем нет. Слепых будут водить те, кто в варежках, а вот тех, кто в варежках – будут раздевать для туалета, глухие.

Когда тренировал временную слепоту, это было еще год назад, то было намного легче. Тренер на тренировках говорил, что полезно побыть слепым. Тогда я понимал, что в любое время можно открыть глаза и все. Но сейчас, мне словно кто-то нашептывал – сними повязку, сними повязку.

Странно, но слух обостряется прямо, хотел сказать на глазах, но самому над собой смеяться вроде бы и не к лицу. Изредка перед глазами проскакивали цветные искорки. Хотел взглядеться, но, разумеется, не получалось. Ну ничего, как-нибудь приспособлюсь.

Вспомнилось, как тренер рассказывал, как на Востоке воспитывали учеников. Сажали их в пещеру и вход запечатывали на полгода. Правда не все выдерживали, но что поделать, естественный отбор.

Как жаль, что не успел познакомиться по-хорошему. Вот и сейчас даже не знаю к кому обратиться. К девушкам? Ну это неудобно. Хотя понятно, что пожалеют, и помогать начнут.

Но не буду, постараюсь обойтись самому.

Позвали на лекцию. Мне помогли войти в зал, посадили за стол, и даже дали тетрадь с ручкой. А это-то зачем? Неужели я писать буду? Впрочем, почему нет. Попробую.

Лекция об астрологии. Слышали, слышали. И что лженаука, и о том, что в ней что-то есть. Больше, конечно, негативного. Ну ладно, послушаем, все равно делать нечего, не спать же завалиться. Хотя тоже вариант.

– Этот парень очень даже ничего, – прозвучало сзади. Голос довольно приятный. Почему-то представилась такая миленькая пампушечка. Хочется думать, это про меня. Хотя что во мне такого. Ну выше среднего роста, стройный, а как тут не будешь стройным, если родители такие же. Темные волосы, глаза голубые, девчонки в школе говорили – мальчик с васильковыми глазами.

Представил, как будто со стороны на себя смотрю. Повязка только всё портит.

– Молодой человека, – это уже другой женский голос, более твердый, даже жесткий, – передайте, пожалуйста, листок.

Я обернулся, пошарил руками, и сразу ухватился за девичьи руки. Мягкая кожа, и мышцы, они неожиданно напряглись, и девушка вырвала свои руки из моих.

– Я просила листок передать, – снова жесткий голос. Да, с такой лучше общаться осторожнее.

– Я же не вижу, какой листок? – это я уже подал голос.

– Да поняла, – ответила девушка.

Она обратилась к другому, а я подумал – что в этом курсе мне ничего не светит. Жаль, очень жаль.

С левой стороны шепот, – знаешь, что тут все бывшие спортсмены?

– Да, слышала. Ну и что? – девушки разговаривали. Так захотелось на них посмотреть. Чтобы отвлечься, я прислушался к преподавателю.

Астрологию здесь будем проходить по старославянской школе. Разумеется, это только основы, базовые, так сказать понятия, – преподаватель делал паузы между предложениями. И я отметил его неуверенность. Интересно. Я стал больше внимания обращать на интонацию, на ритм речи, даже на громкость. Что же дальше будет?

А дальше лекция закончилась, и участники стали задавать вопросы. Среди нас, конечно, были умные ребята. Они как-то быстро выяснили, что вся группа состоит из всего четырех знаков зодиака. Наверно кто-то просмотрел у всех дни рождения. Дальше больше, всего две группы крови у всех. И никаких резус отрицательных. Что еще? Примерно одного роста, правда девушки немного пониже. А вот с комплекцией? Тут от худого, кстати он легкоатлет, до массивного, тот тяжелоатлет.

Слух сильно обострился, и ощущение тела усилилось. Это как в темноте, когда идешь ночью в туалет в квартире. Там знаешь, где стена, где нужно повернуть, где ручка находится, где выключатель.

Лекцию практически не слушал. Хотелось узнать, что происходит вокруг. Шепот, скрипение стульев, шелест тетрадей. Все это вызывало опасение.

В детстве я лежал в больнице один. Семь лет было. Так вот там ребята были все старше меня. И мне пришлось быть все время настороже. Они постоянно делали разные пакости. Например, могли ночью измазать все лицо зубной пастой. Я научился чувствовать и не спать, когда ко мне прикасались. Даже если трогали одеяло, под которым спал.

Хорошо, что руки у меня были свободны. Представляю, как справлялись, те, которые были в варежках. Может быть, кто-то и пытался снять, но явных попыток не было. Скорее всего каждый подумал – что я, не смогу неделю выдержать. Вот и приняли все это.

В столовую меня довели. Одна девушка, у которой были варежки, взяла меня за руку, и мы направились на обед.

Она же принесла поднос себе и мне. Девушка ждала, когда я поем. Немного непривычно, но ничего не поделаешь, я приспособился. А вот кормить ее было трудно. Я ничего не видел, и она сначала говорила, куда нести ложку, потом же своими варежками стала направлять себе в рот.

В столовой стоял хохот. Зрячие ржали в голос, и только мы слепые прислушивались и улыбались. Кто-то разлил тарелку, кто-то уронил на пол котлеты. Обед прошел весело.

На лекции, а речь на ней шла о философии, сидели спокойно. Преподаватель, по голосу, мужчина в возрасте, гово-

рил, о том, как развивается человечество, какие опасности подстерегают его, и что хорошего ждет впереди.

Я сидел и слушал его. Честно говоря, повязка надоела. Уже хотелось снять ее. Но внутри я был непоколебим. Не хотелось выглядеть слабаком в глазах девчонок. На это наверно и рассчитан весь курс. На уязвленном самолюбии.

Вечером в дом меня проводила Шура, девушка, которая жила в нашем доме. Странно, мне казалось, что я не смогу уснуть, но сон был очень крепкий. Даже удивительно, давно такого не было.

Мы собирались на зарядку, да с утра еще была гимнастика. Правда, на ней слепые не бегали, только на месте. Глеб, мой сосед, еще в доме сказал, – они что-то подлили в чай на ужине. Все спали, как убитые.

После зарядки и умывания, пошли на завтрак. Сегодня уже было легче. Ко всему привыкает человек.

За эту неделю я насадил кучу синяков и ссадин. Зато научился осторожно ходить, вытягивая вперед носок стопы. А уж есть не глядя... заметил, что вкус пищи стал ощущаться лучше. И еще одно, есть стал меньше. Может быть придумать такую диету для тех, кто хочет похудеть. "Худеем вместе! Ешьте что хотите, ешьте когда хотите. И вы все равно будете худеть!"

Сильно поссорился с Милой соседкой. Дело в том, что мы пили чай, как всегда, в помещении между нашими комната-

ми. Там стоял чайник с кружками и заварка. Так вот, я пролил на джинсы Милы горячий чай.

Я ощупью шел на свое место, она начала вставать и наткнулась на меня. Собственно, я не был виноват. Но Мила так раскричалась, что поневоле я стал считать себя неправым. Она так громко орала, потому что у нее были закрыты уши. И мне пришлось долго извиняться. Хорошо ее успокоила Шура. А то бы наверно я получил от Милы. Каждый может обидеть слепого.

На шестой день с утра пошел небольшой нудный дождь. Его капанье действовало на нервы. Слышно было, как с крыши потоками бежала вода в бочку. Ходить надо было осторожно, скользко, да еще не видишь ничего. Потом дождь прекратился и вышло солнце. Я его почувствовал кожей лица. Начинаешь понимать, что без солнца на Земле не выжить.

Остались сутки до окончания эксперимента. Все предвкушали свободу чувств и ощущений. Настроение было приподнятое. Как же, завтра днем мы скинем повязки и снова увидим мир, услышим мир, почувствуем мир. А кто любит болтать, тот начнет болтать.

Тяжелоатлет Василий первым обнаружил, что преподаватели и инструкторы исчезли. Их не было нигде. Все кровати аккуратно заправлены. Полотенца висят, где им положено, а людей нет.

Да и хрен бы с ними с преподавателями, но пропали и сторож, и повар, и даже две собаки, что вечно болтались под ногами.

Все собрались в зале. И началось. Сначала громко говорили девушки, потом подключились и ребята. Вскоре все орали. Вопрос обсуждался один – что делать? У всех были разные предложения, от того, что плюнуть на все и ждать, до – плюнуть и идти в цивилизацию.

Среди этого ора послышался тихий женский голос, – а может снять все и на фиг! Сначала на это никто не обратил внимания, потом кто-то подхватил и уже громко заорал, – давайте все скинем! Они же все равно сбежали!

Что тут началось! Все стали срывать с себя повязки и ожесточенно бросать их на пол. Я тоже сорвал повязку и открыл глаза. И что? Да ничего!

Со всех сторон слышалась ругань. Странно, но сильнее всего ругались девчонки. Хотя повязки были скинуты, но все осталось по-прежнему. Те, кто не видел, так же не видели, хотя и глаза их были широко раскрыты. Глухие не слышали, их затычки валялись рядом, но ни звука до них не доносилось. Те, кто сняли большие варежки, их пальцы были открыты, но не работали. Они не сгибались, они не слушались. Те, кто освободил свой рот, не могли говорить. Их выпученные глаза, их мычание вводили в истерику остальных.

Все это я, конечно, не видел, но по звукам прекрасно понимал.

Минут десять творилось это безобразие. Потом потихоньку все успокоились, уселись на лавки и замолчали. А о чем говорить? Наверно задумались – остаточный синдром, всё пройдет. Время от времени кто-то пытался что-то сказать, выставленные лопатками кисти рук пытались согнуться, протирались глаза, прочищались уши. Но всё было бесполезно.

Со мной сидела Шура, моя соседка. Она и рассказывала мне, что вокруг делалось.

Один парень начал умничать, потом я по голосу понял – это был наш Глеб. Он сказал, что понял, как они это сделали. Они опоили нас снотворным, и во сне закодировали. Вот поэтому сейчас никто не может снять виртуальную повязку или затычку.

Снова все стали кричать. Одни не верили, другие обзывали инструкторов, третьи просто страшно ругались.

Постепенно вся толпа разделилась на две группы. Первая говорила, что надо подождать до завтра. Вторая – что надо добираться до деревни, а там в город. Начали искать свои телефоны, чтобы позвонить. Пытались попасть в штаб. Но когда стали ломать двери, раздался громкий голос из скрытых динамиков: – Немедленно прекратите! Вынуждены будем применить газ!

Я, конечно, не участвовал во всем этом. Чем я мог там помочь. Ребята испугались и решили обойтись без телефонов. Как-то быстро все проголодались и пошли в столовую.

Меня повела Шура.

И вот мы в столовой. Я слышу, как ребята ходят по залу, передвигают стулья, ругаются. Поваров- то тоже нет. Что делать? Тогда девчонки решают готовить сами. Наконец-то себя заняли. Даже мне работу дали. Я сидел и чистил картошку. Хорошо нож был специальный, а то бы точно порезался.

Через полтора часа все было готово. И еда показалась даже вкуснее, чем обычно. Но ели не все. Вторая группа взяла продукты, рюкзаки и пошла в сторону деревни. По словам Шуры, их было семь человек.

После завтрака все расплзлись по базе. Кто сразу ушел спать, кто занялся физкультурой, были даже такие, кто стал читать книги. Я тоже ушел спать. А чем я еще мог заниматься. Все ждали завтрашнего дня.

После сна я кое-как спустился по лестнице со второго этажа, и вышел на улицу. Там попросил проходящих ребят, и меня довели до лавочки перед домом штабом. Он был по соседству с нашим домом

Я сидел у штаба на лавочке один и слушал, что происходит вокруг. Солнце грело, ветерок обдувал лицо, что еще нужно человеку. Ногой я нащупал какой-то мелкий предмет под скамейкой. Когда поднял, то понял – колпачок от авторучки. Сразу хотел выбросить, но неожиданно пошли образы перед глазами. Как давно их не было.

Я увидел начальника базы Дмитрия, он сидел на лавочке и беседовал с мужчиной. Лицо мужчины показалось мне зна-

комым. Точно! Это тот который был в магазине и на автовокзале. Что он тут делает? Он как-то связан с нашей базой?

Дальше картина раскрылась сильнее, и передо мной была площадка перед столовой. Там стоял автобус, и в него грузились инструкторы. В конце погрузки, в него зачихали даже двух собак. Потом автобус медленно двинулся и поехал на выезд. Впереди него ехал ГАЗ-66. Это на всякий случай, понял я.

Внезапно картины сменились. Я уже видел столовую. Картины на стене. И Дмитрия, начальника базы, который что-то засовывал за картину. И вдруг все пропало.

Я сразу почувствовал усталость. Пока это все я обдумывал, ко мне подошла Шура, моя соседка.

– Ну что, Серый, отдыхаешь?

– Отдыхаю. Слушай, Шура, тут вот какое дело. Я увидел, как начальник базы спрятал что-то в столовой за картину. Как бы это посмотреть?

– Как ты это увидел? Приснилось что ли?

Я не хотел ничего объяснять. Я о своей такой способности только другу Левке и говорил, хотя он и не поверил.

– Ну да. Приснилось. Да, пожалуй, ерунда. Не обращай внимания, Шура.

Мы еще поболтали, даже посмеялись, когда Шура рассказывала о том, как собирались ребята, которые ушли в деревню, и она ушла.

Я под ласковым солнцем даже задремал. И лишь толчок в

плечо вывел меня из состояния дремы.

– Серый, а ведь ты прав. Там за картиной точно есть записка. Собирайся пойдём, сможешь мне достать ее.

Шура повела меня в столовую. Там пришлось подождать, пока уйдут девчонки, и Шура потянула меня к картинам. Их было четыре штуки. Обыкновенные, с природой, такие обычно продают на рынках. За третьей картиной она и увидела записку. Сама она не могла ее взять, ведь она была в варежках. Ну сейчас, конечно, не в варежках, но пальцы у нее не работали. Я наощупь достал записку и развернул. Шура стала вслух ее читать.

– Буду через неделю. Больше наблюдать за Х и В. Только наблюдение и фиксация необычного. Быть осторожным, себя ничем не выдавать.

– И что это значит?

– Не знаю. Слушай, Серый, ты никому не говори об этой записке. Сверни ее обратно и положи назад.

Мы вышли из столовой и ушли на дальнюю лавочку. И стали обсуждать эту записку.

– Понятно, что начальник кому-то указание дал. Значит за нами наблюдают. А что? При современных технологиях это несложно. Кто-то из наших смотрит за всеми, – Шура покачала головой

– Не за всеми. А за Х и В. Но, как его или ее вычислить? – сказал я.

– А зачем? Что это тебе даст? Пусть и дальше следит. Вот

только никому говорить об этом не надо.

Мы внимательно посмотрели на ребят, которые уже пошли на обед. Кто-то из них все докладывает начальству. Но кто же?

Сутки тянулись. Девушки еще три раза покормили всех. Ребята даже громко крикнули – спасибо! Думаю, что все выспались за это время.

Утро началось с воя сирены. Глеб соскочил и убежал. Я слышал, как по лестнице бегут ребята и пытался одеться. Кое-как натянул штаны и футболку и стал двигаться к лестнице. На ней меня чуть не сбил кто-то. "Под ногами мешаешься!" – послышался голос Милы. Я уступил ей дорогу, и сильно разозлился на нее.

Внизу меня подхватила за руку Шура и повела из дома. Еще вначале курса нам провели несколько тренировок по противопожарной безопасности. И мы все должны были быстро выскочить из домов и построиться на площадке.

Кое-как мы встали в строй. Но никого не было. В строю началось ворчание. Хотели уже расходиться, когда появился зам начальника курса Федор Михайлович, крепкий мужик, лет пятидесяти, бывший военный.

– Смирно! – закричал он. Все подтянулись.

– Слушай мою команду. Строем по двое, шагом марш в учебный зал, – сказал он.

Мы потянулись в дом штаб. Зашли в зал и расселись по парам. Стали вызывать по фамилиям. Я оказался почти в са-

мом конце. Нас поделили по группам. Те, кто не слышали – одна, те кто не чувствует рук, вторая; третья – кто не может говорить; наконец – те, кто не видит.

Шура мне потом рассказала, что человека из каждой группы вызывали по одному в кабинет зама, и там что-то говорили каждому. Очередь дошла до меня. Я вошел в кабинет, вытягивая руки вперед. Меня посадили на диван и сказали закрыть глаза. Потом я услышал шепот. Что было сказано я не понял.

Затем приказали понемногу открывать глаза. Я медленно поднял веки и увидел мутную картину. Передо мной был кабинет. Окна зашторены плотной тканью. В кабинете было четыре человека. У меня закружилась голова, и я повалился набок. Меня снова посадили и приказали закрыть глаза. Прошло еще примерно пять минут, и я снова открыл глаза. Зрение понемногу восстанавливалось. Еще через несколько минут меня выпроводили.

К вечеру привезли семь человек, которые пешком ушли в деревню. Их нашли с трудом. Оказалось заплутали, свернули не там, где надо. Видели издалека медведя. Но все обошлось. Покусанные комарами, голодные, не рассчитали сколько нужно еды, они радовались тому, что так все кончилось. И, конечно, не помышляли больше об уходе.

Жизнь на базе постепенно входила в колею. Конечно, мы обсуждали произошедшее. Смеялись друг над другом, подшучивали. Кто-то обижался, а кто-то, наоборот, смеялся над

собой. И когда рассказывал о себе, еще добавлял такие подробности, каких на самом деле и не было.

Глава 5

На следующее утро на первом занятии нам начали объяснять для чего же нужны были эти повязки, затычки и варежки. Женщина в очках сказала, что всех нас разобрали по психологическим картам и выяснили, чем мы живем, что нам нравится делать в первую очередь. Например, одним нравится сплетничать, другим критиковать, третьим – болтать, четвертым приводить все в порядок.

– Что это дает? – спросили с места.

– Это дает понимание человека. Как с ним общаться, как на него воздействовать.

Дело в том, что вы должны быть гибкими, не только физически, но и психически. Вы должны быстро ориентироваться в мгновенно меняющейся обстановке.

Для этого мы и придумали такую практику. Болтливым закрыли рот, тем кто сплетничает – заткнули уши, критикам завязали глаза, и перфекционистам надели варежки.

У всех вас, конечно, был шок. Как же так, нельзя делать то, что вы привыкли. Это было тяжело, спорить не буду. Но зато вы получили большой опыт.

– А мне не понравился этот опыт, – выкрикнула с места девушка в желтой футболке.

– И чем же он вам не понравился, – спросила преподава-

тель.

– Чем? Тем, что поесть нельзя было и поговорить невозможно. Даже и спросить не получалось. Да это просто издевательство. Мы здесь, как подопытные кролики. И вообще ... пора прекращать эти курсы, ничего хорошего они дают.

Преподавательница прервала изливания девушки: – а у вас наверно была повязка на рту, чтобы не могли говорить. Значит вы мало что поняли из этой практики.

Сначала послышался смех с задних рядов, потом он докатился и до передних. И только девушка в желтой футболке сидела и хлопала глазами. Она начала говорить торопливо и эмоционально: – понять не могу, почему смеются. Над чем смеются? Непонятно. Да наверно все придурки здесь собрались, вот и смеются.

Когда закончили смеяться, преподавательница продолжила, – может быть кто-то хочет рассказать о своих ощущениях?

Встал парень с борцовской фигурой. Он начал рассказывать.

Странно это – не слышать звуков. Пробки в ушах были сделаны очень хорошо и никаких звуков не доносилось. Тишина была ватная. Иногда, впрочем, начинался странный тонкий свист. Но он быстро проходил. Хотелось сорвать повязку и стать свободным. Но внутри чувство самолюбия не давало это сделать. Как это я буду выглядеть слабым перед девчонками? Что я слабее их? И я старался отвлечься.

Я пытался разговаривать, пытался по движению губ понять, что мне отвечают, но ничего не получалось. Я начал писать в блокноте. Но написав несколько слов, понял, что писать не о чем.

По привычке, когда мои мозги были не загружены, и не было срочных дел, я пошел на спортплощадку и начал упражняться на брусьях. Еще, когда подходил, подумал, а если во время упражнений у меня выпадут затычки из ушей. Тогда что?

Я сделал несколько упражнений и понял – затычки не выпадут. Опять же возникли мысли, а как я буду учиться? Что я смогу понять на лекциях? Ну ладно там видно будет. А сдаваться я всё же не собирался. А потом, как-то и привык.

Следующей рассказывала девушка.

Когда на меня надели варежки, то сразу зачесалась кожа на ладонях. Так зачесалась, что я чуть не сорвала варежки. Инструктор смотрел на меня, и мне показалось, что он внутри смеется надо мной. Ну как же! Мне нужно будет расчесаться, и что я буду двумя руками держать расческу? Или нужно будет взять ложку или вилку. Тоже двумя руками?

Но странно, мыслей сдать и отказаться от тренинга у меня не было. Наверно сюда приехали довольно сильные ребята. Ну а как я буду спать? Как я для этого разденусь? О-о-о, как я в туалете буду? Да-а-а...

Ничего, что-нибудь придумаю. Единственно жаль, что помыться сложно будет. Хотя, можно найти помощницу или

помощницу.

Я посмотрела на молодого человека, у которого был закрыт рот. Тот почувствовал взгляд и повернулся ко мне. Наверно что-то было такое в моих глазах, потому что он расправил плечи и выпятил грудь. – Нет. С ним я в душ не пойду. С таким можно потанцевать, поболтать. Хотя, как поболтать, у него же рот завязан, ему нельзя ничего говорить.

Потом поднялся еще парень.

Когда мне завязали рот, я подумал – ничего страшного. Ну не поговорю несколько дней и что? Сначала было очень неудобно, потом отвлекся и ничего. Кстати, неделю без еды я вполне смогу выдержать. Воду же мне можно пить через трубочку.

Сначала все время хотел что-то сказать, но потом после нескольких попыток, я прекратил. А потом как-то и привык. А сейчас даже и говорить иногда не хочется.

Преподаватель продолжила. Она стала говорить о том, что все наши органы чувств выполняют функцию переводчика. Они переводят влияние внешнего мира во внутренний.

Дальнейшая лекция нам не понравилась. Слишком заумно. Хотя практика с повязками, конечно, это что-то. Мне кажется, что все призадумались. Я, например, точно. За эту неделю, я понял, что слишком критично отношусь к людям. Да, наверно, и не только к ним. Я заметил, что когда нет информации, а ее не было, глаза были завязаны, то и не замечаешь неправильное. И критиковать не хочется.

Сегодня начали тренировки на природе, на скалах. На этот раз на занятия взяли все четверки. Нас нагрузили веревками и другим оборудованием. И мы потянулись за инструкторами.

До места добирались часа полтора. Только приехали и хотели отдохнуть, как инструктора взяли свои четверки и разошлись по сторонам. Скалы были не очень высокие, по крайней мере на вид. Нашу четверку подвели к каменной стене, похожей на какой-то памятник. На самом верху она загибалась с отрицательным углом.

Шура, командовала, как всегда. Мила стреляла глазками по другим четверкам, а Глеб кому-то из девочек улыбался.

Первый полез инструктор, он перекинул через кольцо на самом верху веревку и спустился. Конец веревки он привязал к своей системе, это пояс такой. А другой конец привязал к системе Глеба, тот должен был лезть первым.

Теоретическое занятие было день назад, и мы в конце занятия сдали зачет на узлы и крепления веревок.

Глеб медленно начал подниматься наверх. Было смешно на него смотреть. Я сам, конечно, не лазил по скалам, но считал, что у меня должно получиться гораздо лучше. Я еще сказал Миле, что Глеб лезет, как напуганная обезьяна. Шура посмотрела на меня и усмехнулась. Она-то лазила раньше по скалам, был у нее такой опыт.

Стена из камня была высотой тридцать метров. Однако,

когда до вершины оставалось метров десять, Глеб забуксовал. Он смотрел во все стороны и не знал, куда поставить ногу, на что опереться.

Скоро его ноги стали дрожать. Вот тут я почувствовал некое опасение. Следующим нужно было лезть мне.

Инструктор приказал ему взяться за веревку и спускаться вниз. Глеб судорожно держался за нее одной рукой, другой цеплялся за скалу. Когда его отцепляли внизу, было заметно, что его руки дрожат. А ведь мне только предстояло лезть наверх.

Как только я потрогал веревку, то сразу испытал приступ страха. Странно. Конечно, я боюсь высоты, но не настолько же. Прямо жуть какая-то.

Но прежде страха я увидел смутные образы. Как будто вижу я на веревке на скале, высоко над землей и ничего сделать не могу. И самое интересное, что поверхность камня я вижу так отчетливо, будто она прямо передо мной в двух сантиметрах.

Потом отпустило, и я подумал, что давно такого не было. Опять я поймал память вещи. И раскрылась память по-другому немного. С эмоциями, с ощущениями. Странно, даже будто я сам висел над землей.

И еще я заметил, что было небольшое головокружение. Которое быстро прошло. Никто похоже ничего не заметил.

На меня надели систему, привязали веревку и дали команду лезть. Мои руки начали дрожать еще на земле. Однако,

когда я поднялся на пару метров, всё прошло. Шура мне сказала, что в первые разы не надо смотреть вниз. Ну я и старался. И так дополз до середины. А вот дальше нужно было найти выступ или трещину, чтобы зацепиться рукой. В этот момент посмотрел вниз. Однако высоко! И вот тут меня заклинило. Ни вверх, ни вниз. Конечно, я не хотел выглядеть, как Глеб. Стыдно ведь. Я начал шевелиться. В одно мгновение я чуть не сорвался. И тут снова это включилось. Я почувствовал страх. Еле сдержал крики ужаса. Я пытался перестроиться, но никак не получалось. Снизу что-то кричали, но я ничего не слышал.

И тут на меня нахлынуло поистине нечто грандиозное. Я увидел наверху, на скале барса. Он стоял и заглядывал вниз. Барс явно ждал меня. Я посмотрел вниз и увидел там другого барса.

Но так не бывает, – мелькнула мысль. Я начал трясти головой. Барсы пропали. Пальцы мои сорвались, и я повис на веревке. Орать, конечно, не стал, но вот что-то сильно дрогнуло в животе, и на мгновение холодно дыхнуло близким концом.

Снизу кричали, – цепляйся за скалу. Ага, цепляйся! Я на вас посмотрю, как вы будете. Тело меня не слушалось. Оно сжалось в комок и просто болталось на веревке. И в добавок мелко-мелко дрожало.

Такого меня и сняли. Потом еще минут пятнадцать растирали, затекшие от судорог мышцы.

Настроение было никакое. Я сидел на земле и смотрел, как другие лазят. Как я опозорился. Никого не хотел видеть. Мне стыдно было даже перед собой. Ко мне никто не подходил. Наверно инструктора не разрешили. И вот эта жалость просто убивала меня. Ну как же так все это случилось?

Перед тем как уезжать, подошел инструктор, – ты как? Помочь? Я помотал головой.

Когда ехали на базу, шуток и разговоров не было. Устали все.

На следующий день несколько четверок пошли в пещеру. И ладно бы пещера была объемной, ну то есть ходишь, смотришь, а то пришлось лазить по норам. Это такие ответвления в стенках пещеры. Хотя и с фонариками на лбу, все равно было немного жутко, я представляю, как было девчонкам. Кстати, не все и полезли в пещеру. Две девочки отказались.

Эти норы чем были неудобны, в них нельзя было развернуться. Если полез, то только вперед. Грязные были все. В пещере были покрыты слоем серой скользкой глины все стены. И вся одежда и руки, даже и лица, все было вымазано глиной.

Нас инструктировали, что если застрянете, то постарайтесь убрать панику, и потихоньку продвигайтесь вперед.

И я полез не в ту нору и застрял. Ну это просто жуть! Впереди каменный ход, освещенный фонарем, руки впереди, они пытаются зацепиться за что-нибудь. И тишина. Никого не слышно. Практически сразу началась паника. Всё!

Мне не вылезти! Я вообще потерялся! Искать меня никто не будет. Кому я нужен.

Всё-таки я попытался унять панику. Ага! Легко сказать. Как можно отвлечься, если воздуха натурально не хватает. Кажется, что земля все сильнее и сильнее сжимается. И этот огромный вес сверху скоро раздавит меня, как земляного червяка.

Орать? А что толку? Кто услышит?

И я заплакал. Так не хотелось умирать. Я ведь еще молодой. Я ведь еще и не пожил совсем. Я ведь так много мог сделать.

Слезы сами катились по щекам. И даже вытереть я их не мог. Вдруг откуда-то появилась ярость. Я начал дергаться. Я чувствовал, что раздираю в кровь свои бока. Пальцы судорожно цеплялись за стенки пещеры.

Ярость прекратилась внезапно, и снова началась жалость к себе. И тут я увидел в темноте лицо. Оно смотрело на меня. Старик с длинными космами, грустно смотрел на меня и качал головой. Он шептал какие-то слова, но я ничего не понимал. Тогда он стал махать рукой, подзывая к себе. И это всё в темноте, потому что я выключил фонарик.

Когда я включил фонарик, старика не было. И снова я был спокоен. Я выдохнул воздух сколько мог и стал медленно пытаться продвинуться вперед. Сначала ничего не получилось, потом же постепенно, сантиметр за сантиметром стал ползти. Через минут десять нора стала шире, и я пополз дальше.

Вылез я в маленький зал. Из этого зала еще в один, и так миновав несколько залов, я выбрался в общий зал, откуда мы все начинали. И всё это время мне казалось, что тот старик ведет меня.

Наверху меня уже потеряли. Я рассказал, что застрял. Но про старика ничего не стал рассказывать. Зачем? Может мне это привиделось со страху. Уже по дороге на базу один из инструкторов рассказал нам, что в начале двадцатого века в этой пещере жил отшельник.

Шли дни. Лекции в зале перемежались с занятиями на природе. Похоже все уже втянулись. И не очень страдали без цивилизации. Раз в три дня топили баню. Стираться можно было прямо на улице. Походная жизнь. Я что-то не заметил, чтобы ребята жаловались. Ведь нас всех тщательно отбирали.

Больше всего неприятностей доставила мне работа со стихией Воздуха. Нас заставили жить на деревьях. Да. Сидеть на ветках целый день, завтракать, обедать и ужинать на ветках. Да и в туалет ходить тоже на деревьях. Правда девчонок от нас отделили. Они своей группой располагались метрах в ста от нашей.

Вроде бы и ничего сложного. Влез на дерево, выбрал ветку и сиди целый день. Ага. Это только со стороны легко. А на самом деле неудобно становится уже со второй минуты. Потому что понимаешь, что сидеть тебе на этом дереве, как

минимум несколько часов, а то и дней. Мы никогда не знали, когда будет закончено занятие. Иногда инструкторы продлевали время занятий.

Кто поумнее, то запасся книжкой. Они были в местной библиотеке. Пусть и советских времен, но все же не так скучно. Мне досталась книга Платонова. Я начал читать и не смог. Тяжело и непонятно.

К вечеру стало прохладнее, хорошо, что я взял с собой курточку. Мы сейчас были ученые, мы все брали с собой на всякий случай одежду.

К ночи появились звезды, ветерок успокоился. И небо стало высоким. Полная луна заливала землю желтоватым светом. И начал вспоминаться мой город, родители. Такими они мне показались родными, что защипало в носу, и я чуть не растрогался.

Еще вечером мы переговаривались. А к ночи все затихли. Я стал думать. А может быть на самом деле мы раньше были птицами. И могли летать. Сидели вот так на деревьях. Спали на них, делали гнезда. Выращивали птенцов.

Когда я сильно расслабился, то почувствовал, что от ствола тянет теплом. Не так как от батареи, а какое-то такое тепло незаметное. И проникает оно глубоко в тело.

Когда стало сильно тянуть ко сну, я с помощью куртки привязался к стволу. Было неудобно, но я всё равно пристроился к дереву. И задремал. Ночью много раз просыпался. А под утро мне приснился странный сон.

Будто я на самом деле дерево. Стою, держусь корнями за землю. Распускаю ветки навстречу солнцу. Пью дождевую воду. И даже чувствую соседние деревья. И ощущение соседок двойственное. Одно через корни, другое через воздух.

Я стал понимать, что все деревья живые, и все в одном сообществе. Что я принадлежу к нему, и я такой же, как они. И радость, и боль мы чувствуем сообща.

Послышался крик. Я проснулся, и еле разогнул руку. Так же тяжело заработала вторая рука. А ноги прямо закололо, как иголками. Я пошевелился и соскользнул с сука. Автоматически схватился за верхний сук и ... пальцы не держали. Я повис на своей куртке. Да еще в таком неудобном положении, из которого не мог дотянуться до ближайшей ветки.

Появилось ощущение того, что я во сне. Медленно начал отрываться под моим весом рукав куртки. Сейчас я упаду. Я судорожно задергался и попытался ухватиться за какую-нибудь ветку. Безуспешно. Меня тянет и тянет к земле.

Все! Я падаю! Видимо в падении я каким-то образом цеплялся за ветки, потому что не покалечился при падении. Наверно от испуга мышцы немного заработали. Все-таки летел я с высоты, примерно метров с шести.

Я упал сначала на левую ногу, потом перекатился на бок и там уже повалился, как мешок. Почти сразу я подскочил, но тут же рухнул на землю. Левая нога меня не держала. Острая боль пронзила лодыжку. Я застонал.

Через несколько минут подошел инструктор. Он потрогал

распухшую ногу, покачал головой, пожал плечами.

– Единственно, чем могу успокоить тебя. Ты не первый, кто упал с дерева.

А мне что за других. Мне за себя и больно и обидно. Опять со мной что-то случилось. И почему так не везет?

До базы меня несли на импровизированных носилках. Я старался ни с кем не встречаться взглядом. Следом за мной хромало еще двое. Те упали, когда стали спускаться. Но отделались только шишками, да синяками.

На базе меня занесли в медпункт и положили на кушетку. Сначала доктор, женщина лет сорока пяти, крепкая, с большими руками, дала мне понюхать нашатырного спирта, чтобы взбодрить наверно, а потом заставила меня снять носок и стала смотреть ногу.

Она щупала и крутила, надавливала и тянула. Я внутренне ругался сильно, внешне же криво улыбался.

Она спрашивала, – больно? Тут? А тут? Конечно больно. Правда не везде. Я как мог отвечал. Приходилось терпеть, другого выхода не было. Не хватало перед женщиной показывать свою слабость.

Она спросила, – выпиваешь? Я пожал плечами. Тогда она налила что-то из темно-коричневой баночки в узкий стакан и подала мне. Я взял и хотел сразу выпить. Она придержала мою руку и сказала, – выдохни сначала!

Я послушал ее, выдохнул и разом вылил в рот. И тут же задохнулся. Дышать я не мог. У меня выпучились глаза, я не

мог закрыть рот.

– Дыши потихоньку, – сказал доктор. Я начал дышать и потихоньку стал приходить в норму.

– Ты что спирт не пил ни разу?

Я помотал головой.

– Ладно ложись. Сейчас твою ногу лечить будем.

Я лег. И застыл. Страшно было. Не то что я боюсь врачей, но, мягко говоря, опасаясь.

Женщина тем временем начала поглаживать мою лодыжку. Она расспрашивала о том откуда я, чем занимался и так далее. Я, конечно, понимал, что она заговаривает мне зубы. Я понял, что у меня либо вывих, либо растяжение связок.

Потом она стала рассказывать какую-то длинную и нудную историю о какой-то семье. Я даже начал дремать. Но она стала нажимать сильнее, и вскоре я почувствовал боль и начал дергаться.

Она успокоила и сказала, что ставит на место жилку, которую я свернул при падении. Тут же оговорилась, конечно, не жилку, но так учила ее бабушка.

Минут тридцать она возилась со мной. В конце уже почти и не больно было. Потом пришли ребята, и подхватив меня, увели в мой дом. Весь завтрашний день я должен был отдыхать. Чтобы нога вошла в норму.

Глава 6

Через несколько дней начались практики со стихией Огня. К вечеру мы пришли на поляну. Нас выстроили и начали пугать.

Инструкторы говорили, о том, что в костре температура достигает восьмисот градусов. Тут же пошутили, сказали, что у углей температура всего пятьсот пятьдесят. Объяснили, что человек может умереть при ожоге больше десяти процентов наружных тканей тела.

В общем напугали нас. Далее вышли парень и девушка, оба из наших. И они начали крутить фаеры. Ну и что? Видел я это всё. У нас в городе в центре несколько раз в неделю летом делают фаер-шоу.

Тем временем инструкторы подожгли костер, который был в центре поляны. Он был странный. Шириной с метр и длиной метров пять.

Ребята крутили свои веревки, потом начали поджигать керосин, который они выдыхали. Мы похлопали им. Дальше нас заставили раздеться до нижнего белья. И вот тут оказалось, что почти все были не готовы. Ребята еще ладно, а вот девушки. Они были кто в чем. И черные трусики с серым лифчиком, и белые стринги, трусы ретро. А две девушки были вообще без лифчиков.

Мы, конечно, устали на них, ну, а кто бы не устался. Инструкторы приказали всем взяться за руки и окружить костер. Инструкторы тоже были в круге. Они же потянули вправо, и скоро мы уже бежали по кругу вдоль костра. Потом развернулись и в обратную сторону.

Так бегали минут десять. Затем инструкторы приказали поделиться на пары и начать прыгать через костер. Сначала было немного жутковато, потом стало весело и легко. Да и мелькание полураздетых женских тел тоже взбадривало. Наверно наши мужские тела тоже привлекали внимание девчонок.

Дальше стали прыгать по трое, по четверо. Инструкторы подкидывали дрова в костер, и пламя вздымалось выше и выше. Но никого не обжигало. Никто не кричал от боли, от страха.

Так прошло минут сорок. Все разгорячились, покраснелись.

Костер догорал. Инструкторы стали раскидывать угли по сторонам. Скоро образовалась полоса углей около метра шириной и длиной метров пять. Кое-где из углей выбивались языки пламени. Один из инструкторов бросил на угли кусок смятой бумаги, она мгновенно вспыхнула. Температура была приличная.

И вот один из инструкторов подошел к дорожке угля, посмотрел по сторонам и сорвался с места. Он побежал по углям босыми ногами. Мы во все глаза смотрели на него.

Дальше прозвучала команда, – ну, курсанты вперед!

Первым подошел к огненной полосе худой парень. Он оглянулся на всех, махнул рукой и быстро проскакал по дорожке.

Когда дошла очередь до меня, то я, конечно, боялся. А как? Кто бы не боялся? Но я сжал зубы, и выдохнув, помчался по полосе. Пробежал и ничего не почувствовал. Даже удивился.

А тем временем ребята пошли по второму кругу. Я обещал дорожку из угля и тоже пристроился в хвост очереди.

Так мы бегали, пока угли не стали чернеть. Только тогда инструкторы прекратили занятие. Шли домой на базу возбужденные. Все только слышали о пробежках по углям, и вот сами попробовали. И ничего страшного не было. Кто-то говорил, что инструкторы сначала приучали нас к огню. Поэтому мы и бегали, и прыгали через него.

Никто не обжегся. Хотя нет. Один парень все-таки немного пострадал. Ну он вообще-то обнаглел. Он начал не бегать по углям, а ходить. И все медленнее, и медленнее. Ну и немного обжег пятки.

На следующем занятии мы проходили разжигание костров. Сначала с помощью спичек, затем с помощью разных предметов и вещей. Даже с помощью крапивы.

Как всегда, нашелся один умник, который сказал, что раньше люди добывали огонь с помощью трения. Ну разумеется его и вызвали.

Дали ему палку, даже не одну и сказали, – давай! Сделай нам огонь!

Парень, не хилый, спортсмен всё же, начал тереть палкой доску. Он старался, он сильно старался. Доска даже немного задымилась. Но вот дальше дело не пошло. Он подсовывал сухие листки, сухую траву. Дул на всё это, и ничего. Не было пламени.

Ему вызвались помогать еще двое. Они сменяли друг друга. Но и это не помогло. Огонь не разгорался. В конце концов они бросили это занятие.

И тогда два инструктора показали способ добывания огня с помощью самодельного лука. Они его сделали буквально за пару минут. Один стал крутить двигать лук, второй же держал камень, которым сверху была накрыта палка. Пять минут и уже что-то задымилось. А еще через пять инструктор уже дул на сухие полоски травы. Они затлели и скоро загорелись.

Два дня мы занимались добыванием огня. От нас добывались усвоения навыков. И да, каждый из нас усвоил, хотя бы три-четыре способа добывания огня.

В тот день было все как обычно. Утро началось с развода. Одних отправили на занятия рукопашным боем, других в лес, третьих на лекцию. Началась специализация. Я как ни пытался, не мог уловить системы. Скорее всего она была, но нам ее не объясняли.

Я понимал, что кого-то больше обучают работе с телом,

других готовили по психологии. Я попал на несколько таких занятий и понял, что обучают влиянию на человека, также противодействию влияния. Было очень много практики, в нас просто вталкивали навыки. Кое-что на самом деле за-пихнули в психику.

Занятие было по разоблачению магии и колдовства. Преподаватель женщина лет сорока пяти, очень изящно издевалась над магами и колдунами. Она говорила, что их сейчас развелось настолько много, что просто на всех, духов и существ, которых они якобы вызывают, просто не хватит.

Мы смеялись над ее шутками. Один из нас задал вопрос о старой древней магии. Женщина улыбнулась снисходительно и сказала, – дамы и господа! Не осталось нынче настоящих магов и колдунов. Их просто нет. Заменяли их компьютеры и машины. Хотя и осталось кое-что, но всё это так, мелочи, остатки знаний.

Я слушал преподавателя, улыбался, на секунду закрыл глаза, и очутился на берегу реки. Тихо текла вода. Светило солнце. Было лето и было тепло. Раздался щелчок, и я снова очутился в зале. Искоса посмотрел на остальных, не заметили ли они что со мной что-то случилось. Да нет вроде бы, сидят слушают. Я задумался, а что это было?

Занятие продолжалось, как вдруг послышались крики. Они доносились со стороны административного здания, с хозблока. Сначала преподаватель не обратила внимания на это, но, когда крики усилились, она подошла к окну, посмот-

рела, потом резко приказала, – все в угол! Быстро! В угол!

Мы, как стадо баранов, понеслись в угол. За время обучения в нас уже вбили дисциплину. Мы стояли в углу и смотрели, что будет дальше. Может это проверка какая-нибудь, или учебная тревога. У меня из рук выпал карандаш и покатился под стол. Я, естественно, присел и потянулся за ним.

Со стороны хозблока послышались выстрелы. Мы все вздрогнули. Преподавательница достала из сумки кусочек прозрачной ткани и кинула его в нашу сторону. И эта ткань пропала. Я в это время находился под столом. Как назло, карандаш упал далеко и совсем закатился за стол.

В этот момент в зал заскочили два мужчины. Они кинулись сразу в сторону преподавательницы. И вот здесь я удивился. Дело в том, что преподавательница была в юбке и блузке. Она прикрыла лицо руками и заплакала. Один из мужчин мягко и осторожно подошел к ней, и хотел взять ее за руку. И вот здесь я увидел только, как он начал хвататься за свои глаза. Второй был очевидно опытнее, он достал пистолет, и направил его на преподавательницу.

Как некстати я задел задом стол, он страшно заскрипел по деревянному полу. Мужчина отвлекся на меня на долю секунды, но этого хватило на то, чтобы преподавательница выбила у него из рук пистолет, и ткнула его ладонью в область скулы. Нам потом на занятиях показали эту точку. Мужчина мягко осел на пол.

– Быстро сюда! – скомандовала мне преподавательница.

Я как мог выскочил из-под стола и подбежал к ней. Я держал мужчину, а она связывала его. Потом так же связали второго, того который схватился за глаза. Этому она добавила в область паха. Вот это я видел. Она ударила туда ладонью, сразу схватила, и ... дернула. Я представляю, что испытал мужчина. Мне самому попадало в пах, но вот чтобы его держали, я такого не испытывал.

Вскоре пришли инструктора и увели мужчин. Преподавательница обернулась ко мне и сказала, – обо всем что ты видел, тебе нужно молчать! Понял? Я, разумеется, кивнул головой. Все это время я не смотрел в угол, где находились ребята, не до этого было. А сейчас обратил внимание, ребят не было. Когда они успели убежать? Я подошел к своему столу и начал брать тетради. Что-то шелкнуло в воздухе, и послышались голоса. Я обернулся, вот это да! Когда они успели войти? Почему я ничего не слышал?

Преподавательница приказала всем сесть за свои столы. И успокоила всех, – это шло обучение третьей группы, не обращайтесь внимание. И как ни в чем не бывало продолжила занятие. Я же тихонько посматривал по сторонам. Неужели ребята ничего не видели. Допустим они быстро выскочили в другую дверь. Хотя не могли они так быстро выскочить. Или у меня затормозилось восприятие что ли?

Ребята вели себя как обычно. После занятия меня вызвали в главный корпус. Там в кабинете сидела преподавательница и зам. Он и задал первый вопрос, – что ты видел в зале?

Я как мог рассказал все. Они переглянулись, посмотрели на меня, и зам сказал, – еще раз напоминаю, никому ни слова о сегодняшнем. Понял? Я кивнул головой.

Вечером засыпая, я пытался вспомнить в подробностях все что произошло в зале на занятиях. Но странно, чем больше я пытался вспомнить, тем сильнее все подергивалось какой-то дымкой. Я уснул.

Утром я хотел вспомнить что же было вчера и ... ничего, ни единой картинки, ни единого образа. Ну и ладно. Не очень и хотелось, как говорилось в одном анекдоте.

Днем меня вызвали к заму. Он пригласил сесть за небольшой столик и налил чашку чаю. Мы пили чай и разговаривали. В основном он спрашивал, и я отвечал. И что интересно, у меня было такое ощущение, что он может как-то видеть, когда я пытаюсь его обмануть. В эти моменты, я старался начать думать о чем-нибудь другом. И надо отдать заму должное, он не настаивал на своем вопросе. Так мы проговорили около получаса, и в конце он спросил, – а что у вас там было на занятиях? Я и ответил, что было занятие, видимо по захвату, тренировалась третья группа, мы и не поняли, выскочили на улицу, а потом снова зашли и занятия продолжились.

Зам похлопал меня по плечу и отправил на занятия.

Сегодня подошла моя очередь ехать за продуктами. Ездили в деревню примерно раз в две недели на тентованном

ГАЗ-66. Нас взяли троих. Витька, худощавого невысокого парня и крепкого Кирилла.

В деревне в магазине мы носили продукты в машину. Муку, сахар, растительное масло, конфеты, сухофрукты, орехи, овощи, хлеб, колбасу. Когда мы все получили, инструктор, который сопровождал нас, сказал нам отдохнуть минут десять, сам ушел в другой магазин.

Мы сидели разглядывали девчонок, о чем-то говорили. Кирилл сбегал в магазин что-то купил. Два пакета он погрузил в кузов.

Инструктора не было минут тридцать. Время от времени то Кирилл, то Витек запрыгивали в кузов и через несколько секунд вылезали. А когда на меня пахнуло спиртным, то я понял – пьют.

Появился инструктор, и мы запрыгнули в кузов. Не успели выехать из деревни, как машина остановилась. Инструктор заглянул в кузов и предупредил, – меня не будет минут двадцать, можете вылезти и размять кости.

Я встал из своего угла и пошел к выходу. В полумраке не заметил вытянутую ногу и споткнулся об нее. И растянулся во весь рост в кузове. Тут же вскочил и обернулся.

В противоположном от меня углу раздался хохот. Я пригнул голову и прищурил глаза. Витек начал говорить, – ты, это, братан не нервничай. Это случайно.

Я махнул рукой и выпрыгнул из кузова. Мы находились на окраине деревни, около большого бревенчатого дома. Я

перешел на другую сторону машины и сел на обочину.

Легкий ветерок пробежал по траве. Птицы кричали, радуясь солнцу и небу. Я не заметил, как рядом со мной приземлились Кирилл и Витек. Оба красные и от обоих несло алкоголя.

– Братан, давай выпей с нами, – сказал Витек.

Я вообще не люблю, когда меня называют братаном, а тут еще пьяные. Я спокойно отказался.

– Ты чего, брезгуешь? – продолжил Витек. Рядом сопел Кирилл.

Я, конечно, чувствовал, что назревает скандал. Но все равно не ожидал, что он так быстро начнется.

Я еще спокойно отвечал, как краем глаза увидел летящий в мою сторону кулак. Машинально отклонился, перекатился через плечо и вскочил. Медленно встали и Кирилл с Витьком. Витек принял боксерскую стойку, а Кирилл растопырил руки, словно хотел меня поймать.

Они пошли на меня. Я отступал к машине, уперся спиной в борт, и в этот момент Витек пошел в атаку.

Он подскочил почти по-боксерски и ударил прямой правый. Алкоголь сделал свое, удар получился растянутый и медленный. Автоматически я уклонился назад и треснулся головой о борт машины. Кулак Витька не долетел несколько сантиметров до моего лица. Левая рука моя сбила предплечье нападающего.левой же ногой ребром стопы я вдогонку ударил Витька по голени. Пусть я был и в кроссовках, но

уверен, что ему было больно. К тому же сделал сдирающее движение вниз. Возможно, если бы Витек на самом деле занимался боксом, то я не успел бы всего этого. Но алкоголь и удача были на моей стороне.

А вот от лап Кирилла я скрыться не успел. Он схватил меня и начал душить. Единственно, что мне оставалось, так это ткнуть ему пальцами в глаза. И я успел это сделать. Пьяная скотина не отпускала меня. Он левой прижимал меня к борту машины, а правой тер свои глаза.

Я оперся спиной о борт и выставив ногу вперед, оттолкнулся от машины. С трудом, но мне удалось отшвырнуть здоровяка от себя. Я отскочил от них и прикидывал, что дальше. Этот бык кое-как протер глаза и начал гоняться за мной, я же крутился возле Витька, пока тот стонал и держался за свою ногу.

Наконец мне это надоело, и я толкнул Витька на Кирилла. Тот споткнулся об него, и они оба полетели на землю. Я понимал, что если Кирилл встанет, то мне придется просто убежать. Я подскочил и стал пинать этого бугая.

И внезапно выключился свет. Очнулся я уже связанный. Рядом лежали оба противника. Они страшно ругались. Я повернул голову и увидел инструктора. Так вот кто мне выключил свет. Он не захотел разбираться и уложил всех.

Ехать было вдвойне неудобно. Одно дело, когда задницей сидишь на деревянном сиденье, и другое, когда ты лежишь на полу кузова, и тебя подкидывает на полметра вверх, когда

машина наезжает на камень.

Трясло так, что иногда казалось – голова сейчас отвалится и покатится по мешкам. Водитель совершенно не жалел не то, что нас, но и машину. Ветки хлестали по брезенту, кузов раскачивался из стороны в сторону. временами казалось, что вот, вот и мы опрокинемся.

Нас швыряло по всему кузову. Когда приехали, нас троих закрыли в сарае. А часа через два начались разборки. Так вот эти гады развернули все на меня. Они обвинили меня в том, что я первый напал на Витька, и Кириллу пришлось защищать его. А выпили они, потому что у Витька завтра день рождения. Он так хорошо сыграл жертву, что ему поверили. А меня просто не стали слушать.

Начальник курса посадил меня под арест на четверо суток, а Кириллу заставил два дня мести дорожки на базе.

Все это время я провел в сарае. Еду мне приносили два раза в день. Спал на досках, укрывался старым одеялом.

Через четверо суток меня выпустили. Злого и мстительного. Через пару дней все стало забываться. Занятия были очень интенсивными.

Мне всегда больше нравились скалы, горы, холмы. Возможно, я ближе к Земле, чем к воде.

Следующее занятие по стихиям было через два дня. Нам долго давали теорию. Состав Земли, как почвы. Структура земли, геологические основы, но это так, совсем мало. Здесь

была другая нацеленность, другой подход. Нам давали больше практические методы работы с Землей.

Потом после обеда нам дали лопаты и кусок плотной ткани. Так же мы несли длинный ящик. И мы пошли на поляну, которая была в километре от базы. Там инструкторы приказали выкопать яму шириной сантиметров восемьдесят и длиной метр восемьдесят, и глубиной шестьдесят сантиметров.

Никто ничего не понял, и все стали копать. Через часа два всё было готово. На этот раз первым оказался Глеб. Его положили на ткань, которую расстелили в яме. Дали команду закапывать Глеба. Но перед этим вставили ему в рот трубку, на лицо положили тоже кусок ткани. И вот в таком положении его закопали. Наверху торчал только кончик трубки.

– А сколько нам здесь вот так лежать? – спросил кто-то из ребят.

– Пока не начнут раскапывать, – ответил один из инструкторов.

– А если раньше вылезешь? – не сдавался парень.

– Раньше вылезешь, потом снова закопают, – спокойно сказал инструктор.

Все посмотрели на холмик земли, где лежал закопанный Глеб. И все наверно внутренне вздрогнули, я-то точно.

Инструкторы дали команду, и мы стали закапывать друг друга. Я чтобы не остаться последним, вызвался лечь одним из первых. Ощущение я вам скажу не из приятных. Комья земли падают на ваше тело, оно вздрагивает, хочет пошеве-

литься, хочет устроиться поудобнее. Но с каждой секундой это сделать всё труднее и труднее. Наконец тело начинает бунтовать, ему нужна свобода, оно хочет двигаться, жить. Ему ничего этого не дают. Вместо этого ум заставляет тело подчиняться, слушаться его.

Стало тихо, очень тихо. Не слышно ни ветра, ни пенья птиц, ни разговоров людей. Глухо, как в танке. Или лучше всего сказать в могиле.

Ощущения тела обострились. Удары сердца отдавались по всему организму. Мурашки начали возникать, то в руках, то в ногах.

Я пытался расслабиться и поначалу это удалось. Я даже задремал. Но потом очнувшись от дремы, запаниковал, где я? И лишь вспомнив, немного успокоился. Стал вспоминать любимые фильмы, а когда надоело, то стал думать о своей семье. Маму, которая меня воспитывала, отца, который видел во мне мужчину, каким я сейчас понимаю, в то время не являлся.

Совсем незаметно я начал мысленно разговаривать со своими родителями. Договорился до того, что поссорился с ними даже в представлении. И вот меня накрыла паника. Откуда-то появилось ощущение того, как я застрял в пещере. Я стал дышать глубоко и с каждым вдохом паника увеличивалась. Попробовал переключиться на короткое легкое дыхание, не получилось.

Сердце заколотилось, как будто хотело выскочить из гру-

ди. Я чувствовал, что вот, вот и я начну дергаться, вылезать из ямы. Усилием воли я еле сдержал это желание.

Пока я боролся с самим собой, у меня зачесался лоб. Ну и как тут почесать? Да никак! Захотелось ругаться. Злость постепенно перешла в чувство обиды. Ну что они со мной делают? Зачем это всё?

Стало так жалко себя, что я почувствовал, как глаза мои увлажнились. Что же будет дальше? Такая резкая смена эмоций. Пошли яркие цветные круги перед глазами. И почему-то всё это отдавалось в теле. Вдруг вспыхнула одна картина. Так ярко и сильно, будто я присутствую при этом. Сидит мужчина в потрепанной одежде, в руках у него посох. Смотрит он на что-то в руке и бормочет. Слов его не слышно. Потом он замолкает и смотрит в сторону. Оттуда появляется женщина, она одета в лохмотья и еле идёт. Мужчина торопится ей навстречу. Они обнимаются и долго стоят. Затем мужчина достает из сумки кусок еды и подает женщине. Она торопливо ест и что-то говорит мужчине. Он оглядывается и внезапно тянет ее прочь. Они убегают и вслед за ними гонится отряд воинов.

Потом я провалился в сон. Снилось что-то хорошее, по моему, детство. Как будто я в деревне у бабушки, воскресенье, пахнет пирогами. И я знаю, что я скоро убегу на улицу, там меня ждут ребята, и мы пойдем на речку.

Шорох. Шевеление. Какие-то комки падают на меня. Я еле опомнился. Я же в яме. Зарытый. Меня раскапывали.

Странно было смотреть на лица людей. Как будто я вернулся с того света.

Я оглядывался по сторонам, и не узнавал местность. А ребята откапывали следующего. Меня немного пошатывало.

– Пройдет, – хлопнул по плечу инструктор.

Скоро мы все стояли в строю. И там же узнали, что выдержали с первого раза пять человек, я в том числе.

Остальные не смогли. Кто-то продержался два часа, кто-то шесть, а кто-то и десять. Мы же были под землей двенадцать часов. Из нашей четверки выдержали все. Это было приятно.

Глава 7

Сегодня начались занятия в воде. Ну что там в воде может быть интересного? Вроде бы все умеют плавать, у меня, к примеру, спрашивали в анкете. Однако мы все поняли, что мало знаем о воде.

Выдался солнечный день, нас всех повели на речку. Небольшая, ширины наверно метров пятнадцать, он текла спокойно, правда поворотов много было. Да и кустов порядочно.

Нас поделили на обычные четверки, и у всех был свой инструктор. И началось. Сначала все разделись до купальников. Потом предложили нам поплавать, мы, конечно, не отказались.

Ну а потом ... сначала инструктор вызвал меня. Я был рядом. Он завел меня в воду до пояса и начал мне говорить, – сейчас я буду держать твою голову под водой, затем разрешу тебе поднять ее, потом снова опущу ее. И так несколько минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.